

ПРЕМИЯ ФРАНЦУЗСКИХ КНИЖНЫХ
МАГАЗИНОВ "РОМАН 2021"

АНЬЕС МАРТЕН-ЛЮГАН

Отель "Дага"

[roman]

CoRpus

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА

"СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ ЧИТАЮТ КНИЖКИ И ПЬЮТ КОФЕ"

Аньес Мартен-Люган
Отель «Дача»
Серия «Счастливые люди»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67428834

Аньес Мартен-Люган. Отель «Дача»: Издательство АСТ: CORPUS;

Москва; 2022

ISBN 978-5-17-137508-9

Аннотация

Аньес Мартен-Люган – автор мировых бестселлеров. Первая ее книга «Счастливые люди читают книжки и пьют кофе» стала сенсацией, и с тех пор успех не оставляет молодую писательницу. Она входит в десятку самых популярных французских авторов. Ее романы о любви читают в 35 странах, общий тираж приближается к четырем миллионам.

«Отель «Дача»» – романтическая история современной Золушки. Двадцатилетняя Эрмина, выросшая в детском доме, скитается по дорогам Франции, не имея ни жилья, ни работы, ни близких людей, которые могли бы ее поддержать. Неожиданно судьба дарит ей шанс: Эрмина устраивается горничной в провансальский отель с русским названием «Дача». Ей кажется, что она попала в рай. Этот необычный отель принимает Эрмину как родную, и она не остается в долгу. Здесь ей предстоит узнать, что такое семья, человеческое тепло и всепоглощающая любовь.

Эта книга о том, как человек может сам построить свое счастье, получила премию «Роман 2021», присуждаемую владельцами книжных магазинов.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

От автора	9
Пролог	11
Глава первая	24
Глава вторая	43
Глава третья	65
Глава четвертая	75
Глава пятая	89
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Аньес Мартен-Люган

Отель «Дача»

Published by arrangement with Lester Literary Agency & Associates

© Éditions Michel Lafon, 2021, La Datcha

© Pauline Darley, Le Crime Productions SAS, cover photo

© Н. Добробабенко, перевод на русский язык, 2022

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2022

© ООО «Издательство Аст», 2022

Издательство CORPUS ®

* * *

Автор бестселлера «Счастливые люди читают книжки и пьют кофе» Аньес Мартен-Люган неизменно входит в десятку самых читаемых французских авторов. «Отель «Дача» – роман о том, как человек может сам построить свое счастье. Двадцатилетняя Эрмина, выросшая в детском доме, после долгих мытарств поступает на работу в провансальский отель с русским названием «Дача». Здесь ей предстоит узнать, что такое семья, человеческое тепло и всепоглощающая любовь.

* * *

Аньес Мартен-Люган – мастер возвращать людей к

жизни.

Lire

Романистка необычайно тонко и умело ведет рассказ о преодолении психологической травмы и обретения веры в себя.

La Parisien

«Дача» родилась из моей потребности в ней, из моей неотступной мечты в тревожное время, которое нам всем выпало пережить. Я долго искала и наконец нашла место, где могла бы вновь обрести все, чего мне остро не хватало, в окружении моих персонажей, которых я так люблю, с их силой и слабостями, горестями и испытаниями. Место, где можно предаться ностальгии и вполне насладиться ею. Место, где люди обнимаются и танцуют, где свободно выплескивается радость.

Аньес Мартен-Люган

* * *

*Гийому, Симону-Адероу и Реми-Тарику:
не важно, где я, – пока вы со мной, я дома.*

*Дача – загородный дом, обычно для летнего
отдыха.*

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова

Тогда началась волшебная сказка, и во мне

*впервые пробудилась та любовь, которой суждено
было длиться всю мою жизнь¹.*

Marcel Pagnol

La Gloire de mon père

¹ Марсель Паньоль. Слава моего отца. Перевод Н. Гнединой. (Здесь и далее – прим. перев.)

От автора

«Дача» родилась из моей потребности в ней, из моей неотступной мечты в тревожное время, которое нам всем выпало пережить (и которое для нас еще не закончилось).

Прошлой весной резкий упадок сил из-за сложившейся ситуации едва не парализовал меня, но, главное, мне не удалось воспользоваться этим вынужденным перерывом и начать писать. Поэтому я принялась размышлять. О том, чем хотела бы поделиться, об истории, которую расскажу в следующем романе. В романе о том, что будет «после». Или, если получится, в «романе-встрече» после разлуки...

Я долго искала и нашла убежище, место, где могла бы вновь обрести все, чего мне остро не хватало, в окружении моих персонажей, которых я так люблю, с их силой и слабостями, горестями и испытаниями. Место, где можно предаться ностальгии и вволю насладиться ею. Место, где люди обнимаются и танцуют, где свободно выплескивается радость.

Когда я впервые переступила порог «Дачи», мне показалось, будто я «распахнула ставни», вырвалась из ночной тьмы...

Представьте себе летнее утро, вы просыпаетесь, вокруг легкий полумрак, вы догадываетесь, что солнце поднялось, а на улице довольно жарко – не слишком, но вам уже понятно,

что день будет прекрасным. Вы встаете, открываете ставни, и свет окутывает вас нежным сиянием, вы улыбаетесь, и вы живете... Да, в такие минуты я улыбаюсь, я счастлива, и я снова живу...

Желаю вам приятно провести время в отеле «Дача»... Пусть оно будет таким же радостным и волнующим, как у меня.

Аньес Мартен-Люган

Пролог

Я вконец устала и насквозь промерзла. Очередная ночь на улице. Вообще-то я уже три года как перестала вести счет таким ночам. Что я, интересно, вообразила? Что стоит мне пересечь Францию, голосуя на дорогах, и все мои проблемы уладятся как по мановению волшебной палочки, потому что я сменю регион? Верить в это очень хотелось, и я цеплялась за любой, самый крошечный намек на надежду. За любую мелочь, едва различимую крупинку, благодаря которой снова захочу сражаться, снова захочу жить. Однако, надо заметить, я не была наивной невинной овечкой, отнюдь. В двадцать один год я уже чувствовала себя старой и сломленной. Когда я достигла совершеннолетия, меня озарила блистательная идея: чтобы отыскать мать, я ускользнула от внимания социальных служб. Скрыться-то я скрылась, а толку? С тех пор я была предоставлена самой себе и справлялась, как могла. На меня сыпались удары, я отбивалась, когда требовалось. Постоянная готовность дать отпор вошла у меня в привычку едва ли не с самого рождения.

Чтобы поесть и не каждую ночь проводить на улице, я не гнушалась ничем, лезла в любую грязь и все меньше уважала свое тело. Шло время, и ситуация, в которую я попала, делалась все опаснее. Наступил момент, когда необходимость

где-то отсидеться стала вопросом выживания. Я надеялась, что еще не слишком поздно. Сработал инстинкт самосохранения.

Он-то и велел мне зайти в первую попавшуюся забегаловку, оказавшуюся на моем пути. Мне срочно надо было согреться. Несколько монет у меня в кармане хватало на чашку кофе. Я выбрала стол, с которого просматривался зал, попросила принести кофе и стала ждать. Я любила слушать разговоры в кафе, это меня успокаивало и позволяло мечтать о других жизнях, не таких, как моя, даже если зачастую они тоже не были такими уж развеселыми. Преимущество фантазий заключалось в том, что, пока они длились, я не думала о своем положении и была не такой одинокой. Чтобы выпутаться, мне постоянно приходилось быть начеку. Накануне вечером меня высадили у вокзала в Кавайоне. Я похвалила себя за то, что в школе не была совсем никчемной ученицей и сумела примерно сориентироваться по карте. Однако до меня почти сразу дошло, что здесь мне ловить нечего. Я попала в бистро, куда приходили местные, деревенские жители, чей язык точно не был мне знаком. Обычно я имела дело с мелкой шпаной, они корчили из себя уголовных авторитетов, которыми, вполне возможно, станут в будущем, причем даже в ближайшем. А эти мужчины и немногочисленные женщины вели себя просто и искренне, к чему я не привыкла. Хуже того, я чувствовала себя беспомощной перед их

доброжелательностью. Ведь я привыкла всегда и ко всем относиться с подозрением. Моя жалкая личность, в свою очередь, привлекла внимание местных. Наверняка они тоже выдумывали всякие истории про меня. Я, конечно, старалась выглядеть прилично – у меня все же сохранились остатки достоинства, – однако мой внешний вид говорил сам за себя. Я куталась в большое черное пальто, которое заодно служило мне одеялом и не очень согревало, сапоги – несколько лет назад они упали с проезжавшего мимо грузовика, и я подобрала их – с гордостью демонстрировали свою долгую службу на пройденных дорогах, мое лицо было не слишком чистым, глаза так устали, что краснота заползала на голубизну радужки, грязные темно-русые волосы были небрежно собраны в пучок. Не стану уж описывать рюкзак, который я прислонила к ногам, как самое ценное имущество, каковым он, безусловно, являлся: в нем было все, чем я владела. Я ненавидела вызывать жалость. Но что заслужил, то и получаешь. В данный момент мне требовалось только одно: найти решение, чтобы не застрять здесь.

Допив кофе, я направилась к стойке с последними монетами, зажатыми в кулаке.

– Извините, не подскажете, кто-нибудь собирается ехать в Марсель, Тулон или Ниццу? – спросила я хозяйку как можно более вежливо. – Все равно куда, я только хочу попасть в большой город, чтобы найти работу.

И крышу над головой... Но об этой мелочи я предпочла умолчать.

– Ищешь работу? – неожиданно обратился ко мне мужчина лет шестидесяти с хриплым голосом.

– Ой, Джо, привет! А я тебя не заметила, – воскликнула хозяйка.

Он кивнул в ответ, продолжая изучать меня. Его мощное сложение и искореженная физиономия боксера произвели на меня впечатление, но я постаралась скрыть это.

– Сколько тебе лет, девчонка?

– Двадцать один.

Он вздрогнул, я не поняла почему.

– Действительно хочешь поработать? По первому впечатлению, сил у тебя немного, ты похожа на кролика, ослепленного светом фар.

Я сдержалась и не послала его. Надо оставаться учтивой.

– Зависит от того, что вы мне предложите.

– Мне нужна горничная в гостиницу.

Я ни на что особенное не претендовала. Для меня это была непозволительная роскошь. Мой приоритет – выжить. Интуиция подсказывала, что этот мужчина не даст мне возможности взвесить все за и против. Надо было как-то выиграть время, успеть поразмыслить, оценить его. Мое доверие не завоевывалось одним щелчком пальцев.

– А где она, эта ваша гостиница?

– За городом, километрах в двадцати отсюда, ты вряд ли

знаешь это место.

Он был прав, но иногда нахальство становилось единственным доступным мне оружием. Я вздернула подбородок:

- Вы все же скажите.
- В Гульте.
- В Гульте есть где переночевать?
- У нас ты получишь постель, еду и душ.

Спорить с такими убедительными аргументами я не могла. Кровать, место, где я буду в безопасности, не буду голодать и смогу помыться.

- А что я должна буду делать за это?

На его лице проступила ироническая ухмылка, не лишенная оттенка грусти. Может, я его обидела, намекнув, что от меня, наверное, ждут чего-то еще? Выходило, что мы все-таки живем в разных мирах.

- Честно вкалывать и не жаловаться на сверхурочные.
- И все? Никакой подставы, ничего такого...
- И все. Не беспокойся, от тебя потребуется только быть честной и работать.

Настанет день, когда мне придется заплатить за эти щедроты. В реальной жизни щедрых людей не бывает.

- Когда вы хотите, чтобы я начала?
- Завтра. Поедешь сейчас со мной, устроишься, помоешься, выспишься, поешь, а потом будешь полгода вкалывать. Если справишься, естественно...

– Мне приходилось заниматься вещами и похуже, чем уборка.

– Охотно верю.

Мы с вызовом уставились друг на друга. Его предложение было более чем странным, оно должно было меня напугать. Нельзя идти за невесть откуда взявшимся мужчиной, предложившим тебе работу в своей гостинице. Все, абсолютно все, было подозрительным. Но в самой глубине души я чувствовала, что могу или даже должна довериться ему. Несмотря на изрезанное морщинами лицо и жесткий взгляд – на таких я в своей жизни насмотрелась, – в нем было что-то обнадеживающее.

– Я пойду с вами.

По его лицу как будто промелькнула тень облегчения, но это произошло так быстро, что я не была уверена, правильно ли поняла. Я даже не успела среагировать и уж тем более уяснить, на что согласилась, как он хлопнул в ладоши, давая сигнал к уходу, и сгреб мой рюкзак, причем так, словно тот ничего не весил. Кивнул хозяйке за стойкой и направился к выходу.

– Беги, – поторопила меня женщина. – Джо не отличается терпением.

Я побежала за незнакомцем, который уводил меня неизвестно куда. Он перешел через дорогу, не проверяя, следую ли я за ним. С другой стороны, моя жизнь была в его руках, так что он догадывался, что я не отстану от него ни на шаг.

Подойдя к огромному пыльному внедорожнику, он небрежно швырнул эту мою жизнь на заднее сиденье и сел в машину, по-прежнему не обращая на меня внимания. Возле автомобиля я на мгновение заколебалась. У меня оставался последний шанс схватить рюкзак и умчаться со всех ног.

– Это не ловушка, – сообщил он, не удостоив меня взглядом и уже взявшись за руль.

– Я вас не знаю.

Он как-то удрученно посмотрел на меня:

– Поехали, и если тебе у нас не понравится, обещаю отвезти тебя, куда захочешь. Только куда ты пойдешь в этих больших городах, о которых говоришь? Голову на отсечение даю, что ты там никогда не была. Тебя там кто-то ждет? Там тебе найдется где спать? Я для тебя не большой незнакомец, чем те, на кого ты наткнешься в большом городе.

– Подъезжаем.

Я задремала от усталости и оттого что мы всю дорогу молчали. Интересно, который час? Он весь день возил меня с места на место и только просил оставаться в машине, когда выходил из нее. Единственный раз он обратился ко мне, протягивая сэндвич, и заодно объяснил, что еще не сезон и гостиница закрыта – весна только начиналась, – поэтому нужно будет все привести в порядок к приезду клиентов, которые ожидают меньше чем через неделю. Солнце уже висело низко и просвечивало сквозь голые пока ветви деревьев.

Он свернул с шоссе. Дома были разбросаны по безлюдным окрестностям, насколько хватало глаз. Этого-то я и опасалась. Я буду отрезана от всего. И доказательство тому – пришедшее в запустение селение, попавшееся нам по пути. А потом машина съехала на узкий ухабистый проселок. Не заметь я вдали огромное строение, подумала бы, что он сейчас завезет меня вглубь леса и разрежет на куски.

– Мы в горах! – вырвалось у меня помимо воли, когда я запаниковала из-за открывшейся передо мной картины.

Он расхохотался, искренне и бесхитростно.

– Так ты, девчонка, не представляешь, где находишься?! Вон там, на севере, – он махнул в сторону высившейся вдали безлесной, покрытой снегом вершины, – гора Ванту, «Гигант Прованса», и Воклюзские горы. А на юге Люберон. Я тебе как-нибудь покажу.

Вообще-то мои географические познания были весьма скудными. Я только усвоила, что мы находимся в Провансе. А он больше не обращал на меня внимания и сосредоточился на дороге. Мы въехали в кипарисовую аллею, и он резко сбавил скорость, уставившись перед собой и как-то вдруг погружившись в свои мысли. Вдали, по обе стороны от нас тянулись поля лаванды и оливковые рощи, мелькали виноградники. Я была потрясена. Никогда бы не поверила, что это так красиво и так успокаивает. Я ожидала, что деревенский пейзаж покажется мне пугающим, а сейчас я была бы рада, если бы он остановил машину и позволил мне прогуляться на

природе, которая всегда была для меня чужой. Мы проехали вдоль стены, сложенной из камня, со старым дорожным указателем. Этот человек не обманул меня. Он действительно был владельцем отеля, причем немаленького, судя по открывшейся перед нами монументальной аллее. Мы въехали в огромные ворота из кованого железа и покатали к дому, а навстречу нам то и дело попадались грузовички рабочих и садовников. Он опустил стекло и всякий раз притормаживал, чтобы поприветствовать каждого и спросить, успевают ли тот к сроку. Все разговаривали с ним весело, но уважительно, повторяя «без проблем, до завтра, хозяин». Еще через несколько минут он остановился на парковке и выпрыгнул из автомобиля. Я последовала его примеру, не дожидаясь разрешения. Ноги затекли, ведь я несколько часов кряду просидела в одной и той же позе.

– Подожди здесь, попробую найти жену. Она займется тобой.

Я даже не успела ничего сообразить, а он уже вытащил мой рюкзак и шел с ним по двору. Потом вошел в гостиницу через большую деревянную дверь и исчез из моего поля зрения. Я застыла на месте, настороженно озираясь, и вдруг почувствовала себя будто под гипнозом, не понимая, грозит ли мне что-то или же я в полной безопасности. Такое сонное случилось не часто, и я была под сильным впечатлением. Прежде всего, должна признать, от этого мужчины, но и от гостиницы тоже. Я больше привыкла к обшарпанным до-

мам и к хозяевам размещенных в них ночлежек. А этот человек привез меня в какое-то фантастическое место, такого я никогда в жизни не видела, да что там, я даже не подозревала о существовании чего-то подобного. Сам по себе отель был импозантным, величественным: каменные блоки, большие ставни, огромные платаны вокруг всего двора, фонтан, казавшийся сказочным благодаря покрывавшему его мху. Я и двух дней здесь не продержусь, это место не для меня. Должна ли я прямо сразу сбежать, вернуться к своей бродячей жизни, чьи правила я выучила наизусть и в которой умею выживать? А может, надо остаться и использовать свой шанс в этом мире – чужом и незнакомом, но полном такой неожиданной и неодолимой притягательности?

– Девчонка! – позвал он. – Иди сюда.

Я подчинилась.

– Шагай в холл. Через несколько минут к тебе выйдет моя жена. Я отнес рюкзак к тебе в комнату.

Он не оставил мне возможности сбежать, и он уже уходил.

– Подождите!

Зачем я его остановила? Он недоуменно обернулся и терпеливо ждал, пока я открою рот.

– Спасибо, – с усилием выговорила я и сама удивилась, насколько искренне это прозвучало.

Он кивнул, слегка усмехнувшись, и ушел. Я проследила за ним: он двинулся к ресторану, расположенному в строении, которое когда-то давно было, по всей вероятности, амбаром,

прошел вдоль террасы и исчез за углом. Я обернулась к отелю и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы набраться храбрости.

А потом я словно бросилась в пропасть: пересекла большой двор, поднялась на несколько ступенек крыльца, обрамленного цветущими олеандрами, и вошла – наконец-то – внутрь.

Холл был огромным. На стойке из светлого дерева, покрытого патиной времени, мне бросилась в глаза старинная лампа под абажуром с бахромой. Затем мое внимание привлек золотой блеск ключей в настенном шкафчике. Да, я действительно была в отеле, причем в таком, который не имел ничего общего с теми, что я знала до сих пор. Каменная лестница вела на этажи. Одна зона холла служила, наверное, гостиной для клиентов: кресла и диваны навевали мысли об отдыхе и покое, и я бы с удовольствием прилегла на один из них. Но с учетом моего невезения приглашения я вряд ли дождусь. С того места, где я стояла, мне была видна столовая, ее большие стеклянные двери вели в сад, казавшийся бесконечным.

– Сейчас-сейчас! Уже иду! – раздалось вдалеке.

Я завертела головой, пытаюсь угадать, с какой стороны слышится голос. А потом из коридора, которого я до сих пор не замечала, вышла женщина в элегантном темно-синем платье. Она была красива холодной и довольно необычной красотой, черные волосы собраны в пучок, надо лбом вырази-

тельная седая прядь. Половину очень бледного лица занимали огромные золотисто-зеленые глаза. От нее веяло печалью, которая не могла не найти у меня отклика. Несоответствие между этой женщиной с ее отцом и мной потрясло меня. Я не привыкла иметь дело с такими людьми. Впечатлил и контраст между ней и ее угрюмым мужем, бывшим боксером, как я предположила. Если поразмыслить, мне он был все же ближе, чем она, хотя мы с ним едва обменялись тремя словами. Но ей-то я уж точно не ровня – и никогда не буду. И все же какая-то сила толкала меня к ней. Возможно, из-за того, что она смотрела на меня, не осуждая и не оценивая, мне больше не лезли в голову мысли, что я какой-то диковинный зверь, никак не вписывающийся в ее мир.

– Я Маша, жена Джо.

В ее нежном, но энергичном голосе проскакивал едва различимый странный акцент.

– Здравствуйте, – ответила я, робея, что было совсем на меня не похоже.

Я всегда оборонялась, притворяясь более сильной и взрослой, чем на самом деле. Но сейчас это бы не прошло.

– Джо не сумел даже сообщить мне, как тебя зовут, а ведь ты будешь работать с нами.

С нами? А разве не на нас?

– Эрмина.

– Какое красивое имя. И редкое...

У меня вырвался ироничный смешок. Реальность возвра-

щалась на всех парах.

– Его выбрали не за красоту. Моя мать не могла ничего придумать и потому справилась в календаре. И прочла, что я родилась в день святой Эрмины.

Она с подозрением покосилась на меня. Я сболтнула лишнее. Я снова замкнулась, восстанавливая надежные защитные укрепления. Она не стала спрашивать, только улыбнулась, причем так ласково, что я ответила на ее улыбку, сама того не желая.

– Добро пожаловать в отель «Дача».

Глава первая

Двадцать лет спустя

«А ты храбрая, девчонка...» Вовсе нет, ответила бы я Джо в эту минуту, когда стояла в прихожей, уставившись на свое отражение в зеркале. Я не узнавала себя в этом черном наряде, купленном в спешке. В «Даче» черное не носили. В «Даче» носили белое, светло-желтое, розовое, зеленое, голубое. В «Даче» одевались в цвета радости. Я бы хотела быть храброй и демонстративно явиться в цветном льняном платье. Но горе не позволило мне такую выходку. Простит ли он меня за это? Посмеется ли надо мной? Поймет ли мой гнев? Я на это надеялась, потому что в нем всегда таилось такое же негодование. Я сунула в карман черновик своего текста. Я злилась на весь свет за то, что должна была писать его и страдать, складывая слова и фразы в рассказ о его жизни. Я не хотела слышать свой ослабевший голос, когда через несколько часов буду их произносить. Но я все равно это сделаю. Ради него. Ради нее. Ради них. Ради той жизни, которая была моей и которой я обязана им.

Я захлопнула дверь своей маслобойни и пошла в сторону двора, так плотно заставленного автомобилями, что они почти загораживали фонтан. В другое время я бы безумно

радовалась: отель заполнен. Только причина аншлага была плохой, неправильной. Хотя... Не будь их сейчас здесь, я бы впала в неистовую ярость. На самом деле у них у всех был правильный повод присутствовать здесь. Клиенты съехались с разных концов страны. Самые первые заняли последние свободные номера – стояла середина весны, сезон только начинался, – всех, кто появился позже, бесплатно расселили в соседние гостиницы и сдаваемые комнаты. Поди пойми, каким образом разлетелась новость. Ни у кого из нас не нашлось времени сообщить всем. Оставалось вообразить, что весть разнесли почтовые голуби...

Я кивала тем, кого встречала по пути. Никто не решался подойти ко мне, мой мрачный вид всех отпугивал. Еще рано. Мне оставалось проверить, все ли готово для того, что будет потом, хоть я в этом и не сомневалась. Пустая отговорка, я хотела выиграть время. Замедлить его. Остановить. Я проскользнула в потайной служебный переход между отелем и рестораном. Толкнула тяжелую дверь и зашла в кухню. Шарль, наш шеф-повар, не заметил моего появления, по крайней мере, не показал, что заметил. По всей вероятности, он занимался готовкой всю ночь, не смыкая глаз и не появляясь дома. Амели, его жена, наверняка ждала Шарля и тоже не спала. Я подошла к нему и накрыла ладонью его дрожащую руку.

– Шарли, – мягко произнесла я, – по-моему, уже всего до-

статочно... Тебе пора переодеться.

– Ага...

Он отставил сковородку и погасил огонь. Потом схватил меня за плечи, и мы одновременно всхлипнули. Мы были знакомы уже двадцать лет. Когда-то давно различия между нами бросались в глаза, однако мы вместе прошли боевое крещение здесь, в «Даче», поддерживая, ободряя и мотивируя друг друга, и теперь слова нам были не нужны. Мы долго простояли обнявшись, и я черпала в этом объятии мужество, необходимое, чтобы продолжить путь.

– До скорой встречи, – прошептала я, отходя от него.

В тот момент, когда я собралась переступить порог «Дачи», голоса за спиной успокоили лихорадочный стук моего сердца.

– Мама!

Я обернулась и сбежала с крыльца, чтобы поймать в объятия Александра и Роми. Мой двенадцатилетний сын прильнул ко мне, как делал это в раннем детстве. Он словно бы за несколько дней опять стал восьмилетним и сравнялся по возрасту с сестрой. Я встретила обеспокоенный взгляд Самюэля, их отца, на чьем попечении они были в данный момент. Он присоединился к нам и непринужденно поцеловал меня в волосы. Мы с ним расстались, но смогли сохранить нежность и взаимопонимание. Не отпуская детей, я разглядела воображаемую складку на его пиджаке. Самюэль, вы-

ступающий в таком торжественном наряде, позабавил меня, несмотря на ситуацию.

– Ты сегодня красивый, – шепнула я.

Он засмеялся и заправил за ухо непокорную прядь моих волос.

– Не думала, что однажды это скажу, но предпочла бы обойтись без этого комплимента.

Я поцеловала его в свежевывритую щеку:

– Пойдем?

Мы уже давно не выступали все четверо единым фронтом. В душе я была благодарна Самюэлю за то, что в нужный момент он приехал. Возможно, мне удастся пережить церемонию с достоинством. Холл был забит друзьями, клиентами, соседями, жителями деревни. Но его отсутствие было почти осязаемым. Объятия, слова поддержки шепотом, тихий плач, звуки грустного смеха. Кто-то спрашивал, в котором часу двинется траурный кортеж. Все ждали сигнала от меня – вопреки моему желанию, меня наделили на сегодняшний день ролью главного распорядителя.

– Где Маша? – спросил Самюэль, отведя меня в сторону.

– В библиотеке.

Я покосилась на часы: пора. Поцеловала детей, попросила хорошо себя вести и не отходить от папы. Большие черные глаза дочери, такие же, как у ее отца, наполнились слезами, я погладила ее по щеке, разрываясь между желанием успокоить, взять на руки и убежать вместе с ней – и моим долгом.

– Мне страшно, мама.

– Понимаю, мне тоже.

– Пойдем, Роми, – позвал ее брат.

Он увел ее, пресекая все возражения. Я следила за ними, пока они не скрылись в толпе гостей, с большинством которых были знакомы. Здесь они не потеряются, всегда найдется кто-то, кто, если понадобится, займется ими. Да, теперь они жили в «Даче» только каждую вторую неделю, но они здесь выросли.

– Я пошла.

– Эрмина, – остановил меня Самюэль.

Я повернулась к нему вполоборота и увидела на его лице все ту же полную нежности улыбку.

– Ты справишься?

– Ну конечно, ты же меня знаешь... Встретимся позже.

Он кивнул.

Перед закрытой дверью библиотеки я судорожно втянула воздух. Каждый уголок этой комнаты был мне знаком. Я прочла здесь столько книг благодаря Маше, особенно русской литературы, дорогой ее сердцу. Сколько раз Джо находил меня тут на рассвете уснувшей на диване? О моем появлении сообщил скрип дверных петель, но никакой реакции не последовало. Я бесшумно двигалась к ним, они неудержимо притягивали меня, их последнее свидание трогало до глубины души. Маша сидела возле своего Джо на неудобном

стуле и ласково гладила гроб. Она тихонько выпевала для него русские слова любви, повторяла и повторяла шепотом *dusha moya*. Когда она перевела мне эти слова двадцать лет назад, я беззвучно заплакала, а ведь я тогда была кремень. Мне ничего не было известно о любви, и я в нее не верила. «Душа моя» ударила меня в самое сердце.

Я была уверена, что Маша здесь с самого рассвета. Она, несомненно, проснулась в свое обычное время, в полшестого. На ней было темно-синее платье с запахом, ее траурное платье сегодня. Она зашла на свою кухню, сварила кофе и, наверное, заставила себя проглотить завтрак. Потом направилась к мужу, как делала это каждый день в последние пятьдесят пять лет. Попала через сад в библиотеку. За несколько часов Маша постарела на добрый десяток лет. Волосы, как всегда собранные в пучок на затылке, стали абсолютно белыми, хотя до сих пор седые перемежались с черными. Сидина, тронувшая единственную прядь надо лбом и запомнившаяся мне так ярко в нашу первую встречу, за одну ночь воцарилась безраздельно. Джо покинул ее, и только тогда старость завладела ею. Слишком много горя. Слишком много слез. Одиночество, которое ей не удастся ничем заполнить.

– Подойди, *golubka*, – едва слышно выговорила она, протягивая ко мне руку.

Когда она впервые назвала меня голубкой на своем языке, я почувствовала, что стала ей родной, что она подарила мне

свою привязанность. Свою любовь. С Машей и Джо я открыла для себя любовь. Любовь, которая приносит добро, которая лечит, восстанавливает, помогает расти. Я поцеловала ее ладонь, продолжая смотреть на Джо, и погладила дерево гроба. Сейчас мне придется еще больнее ранить эту женщину, которую я так любила. Как решиться на это? Я цеплялась за гроб и сжимала ее такую хрупкую и в то же время такую сильную ладонь. Я растворялась в последнем объятии этих двоих, сделавших меня такой, какой я стала, и пыталась преодолеть дрожь и остановить подступающие слезы.

– Уже пора? – спросила она каким-то чужим жалким голоском.

– Прости, Маша.

Ее рвущееся дыхание окончательно сдавило мне сердце, которое и без того плохо справлялось со своей работой. Она поцеловала мое запястье в знак того, что прощает.

– Скоро Джо покинет «Дачу». Свою «Дачу»... Я должна была уйти первой... Позови их, голубка.

Спотыкаясь, я вышла из библиотеки. Едва я открыла дверь, передо мной вырос Самюэль.

– Где дети?

– Не волнуйся, они с Амели.

– Сходишь за остальными?

Он на несколько секунд прикрыл глаза, его челюсть дрожала. Через пять минут он вернулся с Шарли, с Габриэль – нашим легендарным старым поваром – и с работником по-

хоронного бюро, потому что нужны четверо, чтобы нести гроб. Мы молча вошли в библиотеку. Маша обняла Джо, свою единственную любовь, в последний раз. Мы ждали, не проронив ни слова. Потом она поднялась и отступила на несколько шагов. Это послужило сигналом. Мужчины должны были приступить к исполнению своей печальной обязанности, и я тронула Самюэля за локоть и взглядом подбодрила его. Он тряхнул головой, с трудом справляясь с волнением. Смерть Джо потрясла его гораздо сильнее, чем я могла себе представить. Все, за исключением гробовщика, с почтением поцеловали Машу в щеку и заняли свои места, как им указал человек из похоронного бюро. Потом все вместе подняли гроб, в котором покоился Джо. Я обратила внимание на напрягшиеся бицепсы молодых, которые несли тело очень близкого человека, почти приемного отца, и на руки Габи – он нес тело спутника всей своей жизни и безутешно рыдал. Они шли торжественным, почти военным шагом. Самюэль и Шарль упорно смотрели прямо перед собой, ничего не различая, их лица почернели от горя. Я отодвинулась, чтобы не мешать им пройти. Маша замыкала процессию, держась с поразительным достоинством. Возле меня она замедлила шаг и улыбнулась.

– Иди за мной, голубка, и возьми своих малышей, – велела она.

На мгновение она предстала передо мной такой, какой была двадцать лет назад, одновременно решительной, нежной

и властной, а еще всегда гордой. Джо, сопровождаемый женой, проследовал по «Даче» в последний раз, между двух рядов почетного караула, под взглядами своих друзей, жителей деревни, клиентов и верных сезонных работников. Всех, кто так или иначе был связан с «Дачей». Маша остановилась на крыльце, я встала справа от нее, Александр и Роми крепко держались за мою руку. Полные слез золотисто-зеленые глаза Маши не отрывались от Джо.

– Все кончено, Джо ушел.

На кладбище было не протолкнуться, все хотели проводить Джо; некоторые пробирались поближе, протискиваясь между могилами, родители поднимали детей на каменный кладбищенский забор. На много километров вокруг его знали все. Деревенский священник пробормотал молитвы, благословил усопшего и, не утерпев, добавил несколько не предусмотренных ритуалом слов. Джо никогда не переступал порог церкви, опасался, как бы его не поразила молния, однако уважал религиозные представления, пришедшие из старых времен, в частности страх гнева Господня, и любил спорить, вести переговоры с представителем Всевышнего. Священник поведал нам об их нескончаемых беседах за стопкой пастиса в «Кафе у почты», которые они неизменно вели в базарные дни, поглощая айоли. Он сообщил нам, что Джо не верил, будто ему удастся получить прощение за все свои грехи, но говорил об этом со смехом и тут же заказывал.

вал очередную порцию выпивки. Одной стопкой он не обошелся, уточнил кюре. Среди собравшихся раздались смешки, даже Маша засмеялась.

– Друг мой, не беспокойся, Господь в бесконечной доброте своей все прощает таким, как ты.

Несколько минут прошло в молчании, а потом он сделал мне знак. Я нежно поцеловала Машу в щеку и вышла вперед.

– Джо, я приготовила речь, но ты речи ненавидишь, поэтому пусть она остается у меня в кармане. Я не собираюсь пересказывать твою жизнь, ведь ты не любил о ней говорить. Ты сдержан, как все, кто вырос без семьи, и я избавлю тебя от неловкости – я такая же, как ты. Ты научил меня гордиться этим, благодаря тебе я примирилась со своим прошлым. Как бы я хотела, чтобы ты увидел всех пришедших к тебе: все они любят тебя и собрались вокруг тебя и вокруг Маши. «Дача» полным-полна, Джо, она живет во имя тебя и всегда будет жить во имя тебя. Через несколько часов в ней будет шумно, зазвучит цыганская музыка, которую ты так любишь, мы будем жить, мы будем пить, мы будем танцевать, как ты это всегда делал. Можешь на нас положиться: мы сохраним все традиции. У каждого из нас есть общие с тобой воспоминания, а у самых везучих – общий отрезок жизни. Пусть каждый погрузится в свою память и с трепетом вспомнит время, проведенное рядом тобой. Мой, наш с тобой, кусок жизни навсегда изменил меня, сделал той женщиной, которой я стала теперь. Ты открыл мне дверь своего дома, хоть

и не знал меня, ты не судил меня, а протянул мне руку. Ты научил меня надежде, работе, я поняла, что такое семья... Я стала сильной и гордой благодаря тому, что ты мне подарил, не ожидая ничего взамен. Я считала тебя бессмертным, Джо, но я ошиблась и злюсь на тебя за это. Ужасно злюсь. Впервые за все время нашего знакомства я готова победить свою робость и наброситься на тебя, наорать, наорать еще громче, чем это делаешь ты. Теперь ты представляешь себе силу моей ярости. Ты не имел права покидать нас так быстро, за несколько часов, не дав нам подготовиться к твоему отсутствию...

Мне пришлось остановиться, чтобы перевести дух. Потом я продолжила:

– И все же я счастлива, что ты нас покинул именно так, на террасе своего ресторана, в окружении твоих клиентов, после того, как налил всем «на посошок» крепкого красного вина, которым обожал нас спаивать. Теперь ты встретился со своим ангелом. Скажи ей, что я хотела бы с ней познакомиться, сочла бы за честь. Но вам обоим, тебе и ей, не надо беспокоиться, я останусь здесь, рядом с Машей, и всегда буду заботиться о ней.

Я осмелилась поднять глаза на Машу, она мне улыбнулась, и я снова задышала полной грудью.

– Джо... я благодарна тебе за то, что ты ни разу не назвал меня по имени. Спасибо, что всегда звал меня девчонкой... Это так важно для меня, а ведь мы никогда об этом не гово-

рили... Наша с тобой сдержанность помешала мне сказать тебе... но надеюсь, тебе и так все известно...

Я послала ему воздушный поцелуй, в последний раз ласково погладила дерево гроба, а потом снова встала на свое место, понурившись, стараясь проглотить комок в горле. Маша обхватила мое лицо ладонями, поцеловала в лоб и заглянула в глаза.

– Верь, голубка, он знает. Джо знает...

«Дача» бурлила. Прием организовали в главном здании, там, где все начиналось. Ресторан был закрыт. Дети – мои, Шарля и Амели и все остальные – носились по саду, вокруг бассейна, проталкивались между гостями, хохотали, забегали в дом и выскакивали во двор, чтобы стащить пирожное или палочку шашлыка. Они дарили веселье присутствующим. Мангалы разожгли, факелы пылали, гирлянды лампочек освещали беседку, цыгане, верные друзья Джо, играли свою музыку – печальную, влекущую и околдовывавшую. Маша сидела на диване и терпеливо, любезно, вежливо и снисходительно выслушивала слова соболезнования. Я не теряла ее из виду, но все время перемещалась из столовой на террасу и обратно, проверяла холл, следила, чтобы у всех все было, старалась обменяться парой слов с каждым, чтобы никто не чувствовал себя обойденным. Да, мы оплакивали Джо, но это должен был быть праздник. Те, кто работал в отеле, пусть хоть один день, чтобы устранить какую-нибудь

поломку, теперь участвовали в обслуживании гостей. Я заметила, как Самюэль и Маша тихонько о чем-то переговариваются. Он грустно усмехался. Через несколько минут он возник у меня за спиной.

– От Маши.

Самюэль протянул над моим плечом стопку водки. Я отказалась, мотнув головой. Маша была другого мнения, и взгляд, который она мне послала с противоположного конца террасы, гипнотизировал, приказывая выпить.

– Пожалуйста, выпей, Эрмина, сбрось напряжение, – шепнул мне на ухо Самюэль. – Джо бы это понравилось.

Я зажмурилась и одним духом выпила до дна. Горло обожгло. Тело прошил электрический разряд.

– Спасибо, – сказала я, отдавая ему стопку.

Потом я вернулась к своим обязанностям. Которые обязанностями не были, как бы их ни воспринимал Самюэль. Я все это делала, потому что хотела. Мне было нужно, чтобы, несмотря на печаль и вопреки причине нашего собрания, все были счастливы. Мне хотелось, чтобы Маше было легче от того, что ее Джо ушел так же, как жил, в атмосфере радушия и под музыку. Счастье клиентов, друзей и семьи – вот все, что было для него важно, все, что в восемьдесят с лишним лет поднимало его с постели затемно. И еще я не могла не признать, что суматоха помогала мне справиться. Жизнь, кипевшая в «Даче», позволяла мне выстоять. Благодаря этим хлопотам я могла уважать себя. Быть гордой. Как они меня

научили.

Меня осаждали галлюцинации, и я была этому рада: мне повсюду мерещился Джо, я слышала его громкий искренний смех, звук его поцелуев на Машиных щеках, когда он думал, что никто на них не смотрит, щелчки его любимой зажигалки «Зиппо», когда он закуривал по вечерам свои сигариллы «Кафе крем». Совсем стемнело, музыка стала громче, танцующие пары заполнили импровизированный танцпол на террасе перед музыкантами. Те, кто постарше и пришел с Габи, другом детства, собрались за одним столом, чтобы играть в карты и вспоминать проделки своего приятеля. Я даже едва не заулыбалась. Самюэль отыскал меня – Маша хотела со мной поговорить. Я бросила то, чем занималась, и быстро подошла к ней. На ее лице проступили следы усталости.

– Как ты? – спросила я.

– Не беспокойся, со мной все в порядке. Все вокруг меня прыгают, стараются накормить, приносят выпивку. Джо счастлив, что у нас тут такой праздник.

Маша всегда будет говорить о Джо в настоящем времени.

– Только есть одно «но», – продолжила она.

– Скажи мне, в чем дело.

Она взяла меня за запястье и нежно улыбнулась:

– Потанцуй, голубка.

Я попыталась высвободиться, но она неожиданно удержала меня железной хваткой.

– Нет, ты не должна меня об этом просить... я не могу...
я...

– С того момента, как ты здесь появилась, ты всегда танцевала на праздниках «Дачи». Вспомни свой самый первый раз... Тот вечер был прекрасным, согласна?

Я растерялась и не ответила.

– Не стану обижать тебя и просить станцевать ради него. Ему бы не понравилось, что я тебя шантажирую, и он был бы прав. Хочу, чтобы ты это сделала ради себя самой. Не позволяй горю поглотить тебя... Прочувствуй и проживи его, а потом оставь в сегодняшнем вечере, а иначе будет поздно, поверь мне... Это приказ.

– Ладно, – сдалась я.

Ее улыбка была одновременно довольной и грустной. Потом она взяла со стола стоящую перед ней бутылку водки, налила в две стопки и протянула одну из них мне.

– Пусть душа Джо навсегда останется в «Даче», и не важно, что будет потом. И моя смерть не имеет значения. Мы будем жить вечно в этих стенах. Пусть никогда не исчезнет то, что он создал.

В свои восемьдесят она, не поморщившись, выпила водку залпом. Я сделала то же самое, подтверждая согласие с тем, за что она выпила.

– Давай, голубка. Иди, танцуй.

Я поцеловала ее и направилась к танцполу. Нашла по пути Александра и Роми, обняла и увлекла за собой. Они уме-

ли танцевать с самого детства – участвовали в отельных вечеринках с соской во рту. Они с восторгом присоединились к танцу. Их улыбки чуть ослабили не отпускавшее меня напряжение. Но я чувствовала, что этого недостаточно. Маша запустила процесс, который я обязана довести до конца.

– Папа! – весело позвала Роми.

Он присоединился к нам, взял ее за талию, поднял и закружил. Вскоре она потребовала, чтобы он остановился, и ускочала. Александр чмокнул меня:

– Можно уйти, мама?

– Беги, любимый.

Он умчался, я не шелохнулась. Самюэль тоже не сдвинулся с места.

– Не спорю, не нужно бы этого делать, – заявила я. – Но ради наших воспоминаний об этом месте и о Джо, ради воспоминаний о наших счастливых моментах – ведь они же были, – и чтобы поверить, что все наладится, чтобы надеяться на это, станцуй со мной, Самюэль. И главное, не останавливайся.

Он ничего не ответил, но сдвинул мой локоть и повел меня в центр танцпола. Нам освободили место, а музыканты заиграли музыку, которую я знала наизусть, и им это было известно. Мне пришло на ум, что Маша попросила их дождаться нужного момента и тогда исполнить ее. Я пела во все горло, я выпевала слова чужого языка, которые когда-то мне перевела Маша. Слова, рассказывающие историю не мо-

его народа. Слова страдания и надежды. А потом я как будто перестала касаться земли, с Самюэлем я словно куда-то уплывала, и он мог танцевать со мной сколько угодно. Быстро, еще быстрее, слезы заструились по моим щекам, но я не говорила «стоп», а Самюэль не сбавлял темп. Оглушить себя. Освободиться. Жить. Я топила горе, доводя себя до изнеможения, в объятиях отца моих детей, мужчины, которого я когда-то любила, в моих рыданиях были не только слезы, но еще и пот, смех, пары алкоголя, боль из-за утраты отца, которого у меня никогда не было. Самюэль наблюдал за мной, чтобы поймать момент, когда я сдамся. Но до этого еще было далеко.

Я действительно не могла запросить пощады. Я все осознавала, но была как в тумане. Опьянела от плача, горя, усталости. Вокруг оставались только самые близкие. Самюэлю пришлось крепко держать меня, не то я бы свалилась. Он отвел меня к Маше.

– Я горжусь тобой, – промолвила она. – Завтра все будет лучше. Ложись спать.

Она обняла меня.

– Маша, я... я...

Она разжала руки и, не дав мне закончить фразу, ушла к себе, сохраняя достоинство до самого конца этого дня.

Еще через несколько минут мы с Самюэлем покинули

«Дачу». Мы молча дошли до бывшей маслобойни, придавленные навалившейся реальностью. Перед дверью моего дома я кое-как собралась с мыслями и решилась заговорить:

– Извини меня за сегодняшний вечер.

– Мне это тоже было нужно. И... мы так давно с тобой не танцевали.

Я растроганно кивнула. Нас накрыла тишина, пронизанная воспоминаниями. Самюэль явно прокручивал в мыслях все наши вечеринки в «Даче», в моем же воображении возникла самая первая, упомянутая Машей, на которой его не было.

– Я могу тебя оставить? – спросил он. – Дети едва стоят на ногах, мне нужно отвезти их домой.

Я притянула его к себе, уткнулась носом в шею.

– Спасибо. Спокойной ночи, Самюэль.

Он поцеловал мои волосы, развернулся и ушел.

Десять минут спустя я упала на кровать. Завтра у меня будет чудовищно болеть голова. Если бы Джо увидел меня в таком состоянии, он бы пришел в восторг. Поминки по Джо были соразмерны его масштабу, ломающему все рамки, мы чувствовали его красиво и с размахом. Последнее, что промелькнуло в моем сознании, перед тем как я провалилась в сон, был Машин тост, после которого я дала себе волю: «Пусть душа Джо навсегда останется в «Даче», и не важно, что будет потом. И моя смерть не имеет значения. Мы будем

жить вечно в этих стенах. Пусть никогда не исчезнет то, что он создал».

В этом она могла на меня положиться.

Глава вторая

Сверлящая боль буравила череп. Я осторожно разлепила веки. Занавески оставались открытыми всю ночь, и это было хорошо. В висках пульсировало, что не помешало мне насладиться зрелищем зарождающегося утра, нежного рассветного солнца, проникавшего в мою спальню и освещавшего ряды олив за окном. Утро как утро. Как множество других. Все изменилось, и ничего не изменилось. Ужасной нереальности последних дней пора завершиться. Рана, естественно, не зарубцуется, но действительность заново вступала в свои права. Меня ждала работа. Душ окончательно меня разбудил. Перед тем как нырнуть в этот день, я дала себе немного времени, чтобы выпить крепкого кофе, разгуливая по своему дому. Однажды фортуна мне улыбнулась: у меня было собственное пристанище в тихой гавани.

Джо и Маша предложили мне там поселиться года через два после моего появления у них. До этого я жила в комнатухе на последнем этаже «Дачи». В дальнем конце коридора незаметная дверь вела в крыло сезонных рабочих, которого теперь не существовало: мы перестроили эти помещения, превратив их в просторный семейный номер, пользовавшийся большим успехом у гостей. Мы с Шарли были последними, кто там жил. Он быстро нашел себе дом в дерев-

не, как только узнал, что остается в гостинице на постоянную работу. Я же какое-то время сопротивлялась. Я любила эту комнатенку, ледяную зимой и плавившуюся от жары летом. Она стала воплощением моей мечты об убежище, где я впервые в жизни могла отдохнуть. После двух лет того, что можно назвать выздоровлением, я стала более открытой, начала куда-то выходить, хотя не скажу, что в нашем деревенском захолустье Прованса это были безумные и беспутные ночи. Именно то, что мне тогда нужно было, в самый раз. Я открывала для себя нормальную юность, с друзьями, с которыми мы просто веселились. Смеялись, танцевали, жили.

Джо хохотал как сумасшедший, когда я приезжала в шесть утра на грохочущем «ситроене-мехари», тем не менее ему это надоело. То еще зрелище: я выхожу из машины с виноватым видом, с потекшей косметикой, под насмешливым взглядом хозяина, изображающего строгого наставника. И дело было не столько в моем опоздании к началу рабочего дня, сколько в том, что гроыхание двигателя могло разбудить гостей. Этот предлог придумали для меня Джо и Маша, но я догадалась, к чему они на самом деле стремились: им хотелось подтолкнуть меня, заставить двигаться вперед. Джо не утерпел и буркнул:

– Не сомневаюсь, однажды ты притащишь сюда какого-нибудь типа, и я предпочитаю, чтобы ты обдeldывала свои делишки не под моей крышей.

Маша оскорбилась и с притворным возмущением хлоп-

нула его по ладони, я покраснела так густо, как никогда не краснела в жизни. . . а они предложили мне поселиться в бывшей маслобойне.

Имелась в виду постройка на территории «Дачи», где в период, когда здесь еще была ферма, находились мельница для оливок и маслобойный пресс. Джо с Машей восстановили это строение, чтобы оно не разрушилось со временем. Несколько лет назад бывшая маслобойня была жилым помещением. Мой предшественник уехал вскоре после моего появления и не планировал возвращаться. Я приняла предложение с волнением и смутным страхом: ведь я до некоторой степени уходила из-под их опеки. Маслобойня стояла в сотне метров от основного здания и имела прямой выезд на дорогу. У меня появилась возможность в нерабочее время жить своей жизнью, о которой им ничего не было известно. Как будто я собиралась скрытничать! Вопрос о том, чтобы я доплачивала за свое новое жилье, даже не обсуждался – Джо и Маша не хотели ничего слышать. Я должна была оплачивать только уход за помещением – эта обязанность отошла ко мне, что логично. Вздумай я затеять ремонт или переоборудовать жилье по своему вкусу и для своего удобства, никто бы мне не запретил, при условии, что я это делаю за свой счет и не меняю внешний облик здания. Когда я в первый раз вставила ключ в замочную скважину – вообще-то я впервые в жизни обзавелась собственными ключами, – я почув-

ствовала, что прочнее укоренилась здесь, как будто корни, которых мне не доставало до сих пор, разветвились и ушли чуть глубже в прованскую почву. Я жила на маслобойне, и она постепенно менялась. Вначале я ограничилась обустройством главной комнаты и спальни. Потом в мою жизнь вошел Самюэль. Он долго противился, но в конце концов перенес ко мне свои вещи. Позднее мы отремонтировали две новые комнаты – детскую Александра, потом детскую Роми. Теперь я жила здесь одну неделю из двух в одиночестве, а вторую вместе с обоими детьми, и мне было хорошо. Я была счастлива, можно и так сказать. Маслобойня была моим домом восемнадцать лет, если не считать нескольких месяцев, когда Самюэль пытался заставить меня жить в другом месте. Но об этой части истории я не хотела вспоминать...

В полседьмого я переступила порог «Дачи», оставив большую деревянную дверь открытой. Дом должен наполняться свежим воздухом. Это была привычка, ритуал, которому мы следовали, если позволяла погода. Дверь всегда должна быть открыта для проходящего мимо путешественника. Завтраки подавались в столовой или на террасе у бассейна, но никогда в ресторане Шарля и неизменно готовились на кухне Джо и Маши.

Сегодняшнее утро ничем не отличалось от остальных... Кофе уже варился. Я не удивилась, увидев Машу в темно-си-

нем платье, с безупречным пучком на затылке, суетящуюся у большого деревянного стола.

– Булочник все еще не явился, голубка.

– Что ты тут делаешь? Сегодня тебе надо бы отдохнуть.

Я подошла к ней, стала за спиной, обняла за плечи, а она погладила мои руки.

– Если всю жизнь вставала в полшестого, трудно менять привычку.

Для Маши всегда было делом чести приготовить завтрак для гостей и подносы, которые относили тем, кто завтракал в номере, до десяти утра, занимаясь при этом и всеми остальными делами. Ранние, на рассвете, отъезды, претензии, опоздания работников, букеты цветов, которые нужно расставить по всему отелю, бронирование номеров. Она научила меня с улыбкой переходить от одного дела к другому, независимо от времени суток.

– Ладно, но ты все же будь осторожна.

Она поцеловала меня в щеку и нетерпеливо махнула, отправляя из кухни, чтобы я переговорила с булочником. Уже через пару минут я была в маленьком кабинете, примыкающем к ресепшену, и набросилась на беднягу по телефону. У него были самые лучшие намерения, он полагал, что, «учитывая обстоятельства»... Последние слова были лишними.

– Отель заполнен под завязку! – заорала я. – Так что поторопитесь!

И тут же разозлилась на себя.

– Простите, я не должна была на вас кричать.

– Все нормально, Эрмина, я не в обиде.

Я повесила трубку и помчалась в столовую. Там я нос к носу столкнулась с Амели, женой Шарли, нашим старшим менеджером, занимающейся буквально всем. У нее был тот же настрой, что и у меня. Работать. Вести себя так, будто...

– Привет. – Я обняла ее. – Спасибо, что пришла так рано.

– Ты поспала?

– Достаточно, чтобы продержаться до вечера.

– А это кто такие? – спросила она, указывая на двух молодых ребят, которые расставляли столы.

– Я их наняла на сегодня. Похоже, я была убедительна, раз они явились вовремя!

– Ты все спланировала...

– В последнее время мы немного разболтались, качество обслуживания снизилось. И я не уверена, что наши гости будут снисходительны вечно...

– Ты думаешь?

– Возможно, я преувеличиваю, но... предпочитаю не давать им повода даже заподозрить признаки расхлябанности.

Она нахмурилась, что-то учуяв.

– Что тебя беспокоит, Эрмина?

– Ничего! Все в порядке... правда.

Она слишком хорошо меня знала и потому не поверила ни единому моему слову. Я пошла посмотреть, как там на террасе, чтобы избежать дальнейших расспросов.

Смерть Джо, когда я беспристрастно оценивала ее с объективной точки зрения, абстрагируясь от нашего горя и нашей всеобщей любви к нему, означала конец целой эпохи. Окончание очередного жизненного цикла «Дачи». Причем весьма важного или даже самого важного. Джо был душой этого курортного места, праздников, отдыха, легкости. Я проработала здесь уже двадцать лет, наблюдая и участвуя, и я была знакома с гостями отеля, его постоянными клиентами. Они, конечно, приезжали ради красоты пейзажа, качества обслуживания, из любви к здешним местам, климату, комфортной жизни. Но многие из них стремились сюда ради самих хозяев. Чтобы побыть рядом с Джо и Машей, напоминавшими идеальную супружескую пару из какого-нибудь культового кинофильма. Благодаря чутью Джо они первыми открыли гостиницу в этом уголке Франции и сделали все, чтобы гости ее полюбили. И вот теперь эта пара смертельно ранена. Ее больше нет. Продолжат ли наши постоянные клиенты проводить здесь отпуск и длинные выходные? Не будут ли опасаться, что из-за смерти Джо «Дача» утратит то, что их влекло сюда? И этим опасениям вряд ли помешают и наша усердная работа, и их уважение к «нашим боссам» и тому, что они создали. И хотя в последние годы Джо и Маша уже не с таким рвением занимались гостиницей, как раньше, и переложили на меня почти все свои обязанности, тем не менее в восприятии гостей они были вечными. Легендар-

ные хозяева «Дачи» продолжали присутствовать в ней: Джо каждый вечер заходил в ресторан, чтобы угостить клиентов последней рюмкой, у Маши всегда находилось время поболтать с гостями, открыть им двери своей библиотеки, очаровать мужчин, не замечающих ее возраста, к вящему удовольствию мужа, который всегда бросал на нее гордые взгляды собственника. Все это было частью связанных с отелем мифов. И все это прервалось – резко и бесповоротно... До сих пор я никогда об этом не задумывалась, я тоже считала «Дачу», Джо и Машу бессмертными. Вот что стало мне абсолютно ясно, когда я увидела, как искренне, по-дружески ведут себя клиенты, приехавшие отдать последний долг Джо. И я не сумела прогнать мысль о том, что они здесь ради того, чтобы прожить финальный момент своих долгих отношений с этим местом.

Я воспользовалась относительным затишьем второй половины дня: те, кому пора было возвращаться к обычной жизни, уже уехали, а новые гости, незнакомцы, ожидались ближе к вечеру. Сидя в кабинете, я просматривала заявки на бронирование, поступившие за последнюю неделю. Впервые после того, как это стало одной из моих обязанностей, я не обработала их вовремя. Если не отвечаешь оперативно на запрос, теряешь клиентов – по их мнению, ты их недостаточно уважаешь. Это был один из первых полученных и усвоенных мной уроков.

Я почти наверстала упущенное, как вдруг в дверном проеме вырос Самюэль. Он сменил костюм на рабочую одежду.

– Зачем ты пришел? Ты же сегодня не должен был.

– В саду побывала уйма народа, и я подумал, что не мешает там прибраться.

Самюэль был ландшафтным дизайнером и возглавлял фирму с полутора десятками садовников. Когда мы познакомились, его только что наняла контора, которая отвечала за благоустройство территории «Дачи». Он был трудолюбив, безусловно талантлив и умел экономить, поэтому пять лет назад сумел выкупить целиком долю своего хозяина, когда тот вышел на пенсию. Он не ограничился активной работой в ландшафтном дизайне, а занялся еще и разведением олив. Купил несколько гектаров земли с деревьями и стал ухаживать за ними, чтобы производить собственное оливковое масло. Самюэль любил землю, любил заботиться о ней и заставлял ее приносить плоды и при этом следовал традициям. Вопреки нашим конфликтам, нам прекрасно удалось избегать разногласий по работе. Когда речь шла о работе, я не была для Самюэля Эрминой, женщиной, которую он когда-то любил, матерью его детей, с которой он расстался. И для меня он не был мужчиной, которого я когда-то любила, отцом моих детей, а был ответственным за внешнюю территорию отеля.

– Большое спасибо, – ответила я, откидываясь на спинку кресла. – О саде-то я забыла... Ты наверняка запустил свои

дела в последние дни, мне жаль, что ты посчитал себя обязанным прийти...

Он отмел мои извинения взмахом руки.

– Где Маша? Хочу обнять ее, перед тем как приступить к работе.

– Наверное, в саду, пойдём к ней.

Мы вышли на террасу и увидели вдали ее силуэт. Она сидела на качелях, закутавшись в шаль. Сиротливая и такая хрупкая. Накануне она, наперекор трауру, была сильной, гордой, верной себе, такой, какой я ее всегда знала. И все сегодняшнее утро она не сдавалась, провожала каждого гостя, тепло благодарила за то, что не поленился, приехал, чтобы сказать последнее прости Джо, не показывала, как ей больно. Тишина, воцарившаяся в ее отеле, лишившемся хриплого голоса Джо, неожиданно придавила ее. Повседневная жизнь стремительно возвращалась, вступая заново в свои права, и каждая минута напоминала Маше, что Джо больше нет. Не станет ли его смерть невыносимым испытанием? Испытанием, после которого Маша не поднимется. Ей уже довелось пережить худшее, самое ужасное для матери.

За несколько месяцев до моего приезда Джо и Маша потеряли дочку, Эмму. Эмма родилась с пороком сердца. Для них с самого начала не было тайной, что она, с большой вероятностью, будет лишена долгой спокойной жизни. К несча-

стью, их опасения оправдались, дочка угасла в возрасте двадцати одного года. «Наш ангел» – так ее назвала Маша в тот день, когда я узнала об Эммином существовании. Я долго преодолевала робость, мешавшую спросить, кто эта девушка на множестве семейных снимков. Это был один из редких случаев, когда она упомянула Эмму.

Говоря о дочке, Маша произнесла: «Нам посчастливилось, что она была в нашей жизни, она подарила нам свою силу и свою улыбку, и так было до самого конца». Эмма была вылитая Маша, но насколько Маша была печальной, настолько же Эмма шаловливой и солнечной. Каждая ее фотография лучилась радостью жизни, как будто Эмме надо было успеть всем насладиться, полностью использовать отмеренное время. Рассматривая снимки, хотелось любить ее, не расставаться с ее ласковой улыбчивостью. Я тогда не могла по-настоящему оценить физическую боль от потери ребенка, которую Маша терпела изо дня в день. Но после рождения Алекса я чуяла ее нутром и даже боялась представить себе, что она должна была испытывать тогда и что она испытывала сегодня, понимая, что ее дочери больше нет. А теперь она лишилась и Джо...

– С тобой все в порядке? – забеспокоился Самюэль, когда я, подавленная Машиными одиночеством и горем, застыла на месте, не в состоянии сделать ни шагу.

– Мне сейчас некогда об этом думать... Как дети сегодня

утром? Я им не позвонила... я...

Он выразительно поджал губы, демонстрируя озабоченность, и я тут же замолчала, заметив, что мы опять входим в роль разбежавшихся родителей...

– Они попросили, чтобы я отвез их в школу, а ты сама можешь представить, на кого они были похожи, проснувшись... При этом я был готов взять их с собой, но с них уже достаточно... Они хотят вернуться к нормальной жизни, к своим друзьям. Заодно хочу предупредить, чтобы ты была готова: они боятся приезжать сюда на выходные.

– Почему?

С каких пор мои дети боятся «Дачи»?

– Прикинь сама, Эрмина, они все время без тебя, две недели подряд они со мной, ты им редко звонила и практически запретила приезжать сюда до похорон. Ты для них как будто куда-то исчезла.

Я тут же заняла оборонительную позицию и подняла руку, чтобы прервать его.

– Я делала что могла.

Я позволила себе погрузиться в хлопоты последних дней, поскольку была уверена, что они в безопасности и отец заботится о них. Однако этого было недостаточно, в чем я отдавала себе отчет. Но он не имел права на меня нападать. Самюэль нередко пытался поучать меня и временами вел себя со мной как с ребенком. Ему, конечно, пришлось иметь дело с моими страхами, отгонять их и приручать меня, но, на мой

вкус, он играл на них излишне часто. Позволял себе сомневаться в моих способностях, чтобы выпятить свою незаметность, доказать свою правоту по всем позициям и упрекнуть меня в неправильной расстановке приоритетов. Обычно меня это бесило, но смерть Джо не должна была стать причиной нашей ссоры. Ему бы это не понравилось. Я отвела взгляд, чтобы совладать с эмоциями, не поставить Самюэля на место, не взорваться. Тем более что он хранил олимпийское спокойствие.

– Я с этим не спору. Просто сообщаю, что они очень грустят. Они ведь тоже потеряли Джо, ты и сама знаешь, что он был для них как дедушка...

У него дрогнул голос. Когда он успел сделаться таким впечатлительным?

– Ну да, конечно. Я не услышала от тебя ничего нового. – Мой голос дрожал от раздражения и печали, с которыми мне трудно было справляться.

Неожиданно Самюэль заключил меня в объятия и нежно погладил по волосам. Теперь он пытается получить прощение.

– Эрмина, я тебя ни в чем не упрекаю. Вовсе нет, поверь, просто ты должна учитывать, что Алекс и Роми волнуются за тебя. Вчера они наблюдали, как ты боролась, а потом сломалась... Они беспокоятся и за Машу тоже и опасаются встречи с ней...

Он что, считает, будто я об этом не задумывалась, что

мысль о переживаниях моих детей не будила меня посреди ночи в последнее время? Самюэль не жил здесь уже три года, он не наблюдал за тем, как Алекс и Роми росли и выросли рядом с Джо и Машей. Он даже не представлял себе всю глубину привязанности между ними, он вообще предпочитал не замечать ее, не принимать в расчет. Какое право он имел терзать сегодня эту болезненную для меня струну? Оживлять ужасный страх, затаившийся в глубине моего естества. Выпускать на волю демонов, которые и так грозились вырваться при любой возможности.

– Я в курсе, что мне надо делать, Самюэль.

Он тяжело вздохнул и сильнее стиснул меня в объятиях.

– Прости, я не должен был на тебя давить.

Странно, но его объятие, которое было теперь вроде как неуместным, оказалось полезным, мне нужно было, чтобы ко мне прикоснулись, чтобы меня покрепче стиснули. Я подняла глаза и встретила взглядом со смотревшей на меня издали Машей.

– Пошли, она нас увидела, – позвала я Самюэля.

Мы пересекли большой газон, Маша встретила нас грустной улыбкой. Она протянула руки Самюэлю, он схватил их.

– Милый Самюэль, как я рада тебе.

– А я тебе, Маша.

Они нежно расцеловались.

– Пройдешься со мной по саду? Обопрись на меня.

Ну как на него сердиться, если он не пожалел своего ра-

бочего времени для пожилой дамы, только что потерявшей мужа? Их отношения обычно были уважительными и доброжелательными. Тем не менее между ними всегда оставалась некоторая необъяснимая для меня дистанция.

– С удовольствием. Ты мне расскажешь, как там ваши малыши. Грустят, наверное? Я не смогла вчера с ними поговорить, и мне очень жаль.

Она довольно легко поднялась, но не отвергла помощь Самюэля. Хорошо, что Самюэль поделится с ней переживаниями детей. Прекрасно зная Машу, я была уверена, что она сумеет их успокоить, придать им уверенность. И от этого ей самой станет немного легче, по крайней мере, я на это надеялась. Мои дети относились к Джо и Маше как к дедушке и бабушке, а Джо и Маша подарили Алексу и Роми место внуков, которых у них не было.

Маша угасала словно свеча. Я должна была постараться оживить ее пламя, пусть хоть чуть-чуть. Нужно было снова открыть библиотеку – для Машиного блага, для блага отеля и меня самой. Ее закрыли представители похоронной службы, как только отбыл траурный кортеж. С тех пор никто ее не открывал. Никто не входил в библиотеку, после того как ее покинул Джо. Я перешагнула через порог и притворила за собой дверь. Зажмурившись, прислонилась к деревянным полкам, чтобы подготовиться и убедить себя, что можно стереть из памяти последние дни. Потом я открыла глаза. Пу-

стога. Зияющая пустота посреди комнаты. Диван и кушетку, предназначавшиеся для читателей, в спешке придвинули вплотную к книжным полкам, большой низкий деревянный стол втиснули в угол, в другом углу стоял свернутый в рулон белый шерстяной ковер. Я видела только помещение, в котором Джо провел свои последние часы, и стул, на котором бесконечно долго сидела Маша. Однако не эта комната была ближе всего Джо. Он проводил целые дни в саду, на террасе, в ресторане. Но оставить там его тело было невыносимо. Даже непристойно. Маша сразу предложила библиотеку – свою библиотеку, – я попыталась ее разубедить, подозревая, что потом ей будет трудно там находиться. Она не хотела ничего слышать. Объяснение было предельно простым: это детище Джо, он соорудил для библиотеки громадные, от пола до потолка, стеллажи и сделал это только для Маши, для ее книг, для ее русской литературы – в оригинале и в переводе. Я призывала на помощь свои воспоминания, чтобы заново ощутить власть, которую имела надо мной эта комната. Моя жизнь по-настоящему началась в библиотеке двадцать лет назад.

Полгода, о которых говорил Джо, когда подобрал меня в кафе Кавайона, близились к концу. В конце октября в гостинице было уже совсем немного постояльцев, и «Дача» спокойно переходила к зимней спячке. Мне вот-вот придется ее покинуть, а ведь я уже начала любить ее и чувствовала себя

в ней в безопасности. Впервые в жизни мне захотелось где-то остаться. Я сердилась на себя за то, что расслабилась, потеряла бдительность, забыла подготовиться к тому, что будет потом. Единственное утешение: я не потратила ничего из заработанных денег, и значит, проблемы начнутся у меня не сразу. Тем не менее я не представляла ни что делать, ни куда идти, потому что отказывалась думать об этом, живя только сегодняшним днем. Большой город теперь пугал меня, а здесь моя всегдашняя настороженность испарилась, я привыкла к деревенскому спокойствию и комфортному существованию с собственной кроватью, душем, сытной едой и смутным ощущением тепла домашнего очага. Встречаясь с Джо или Машей в гостинице, я вжималась в стенку, боясь, что на мою голову обрушится меч и они скажут, что сегодня я здесь последний день. И все же момент, которого я боялась, настал.

Был понедельник, вторая половина дня, сразу после окончания школьных каникул на День Всех Святых. Я только что окончательно законсервировала на зиму несколько номеров, весеннее открытие которых уже не увижу, и тут пришла Маша и позвала за собой. Я подчинилась с тяжелым сердцем, но вдруг сообразила, что отчаяние – практически незнакомое мне чувство, такую прочную броню от ударов судьбы я себе создала. Я всегда старательно запрещала себе привязываться к кому-то или чему-то, окружала себя надежными стенами. Привязываться слишком опасно, а я избегала страданий.

Но магия этого места сделала меня уязвимой. Полгода, проведенные здесь, смягчили меня, а заодно и обезоружили. И мне придется очень дорого заплатить за это.

Маша повела меня в библиотеку, куда раньше я заходила, только чтобы убраться, пусть она и была открыта для всех – и гостей, и сотрудников. Эта комната притягивала меня словно магнит, но одновременно пугала, как сам отель, когда я только появилась в нем. Я мечтала провести в ней долгие часы, желая многому научиться, много читать, чего я до тех пор никогда не делала, но я не считала, что имею на это право, не для меня это и никогда для меня не будет. Маша предложила мне сесть на кушетку. Я присела на самый краешек и вдруг подметила на ее лице ласковую улыбку. Самим своим присутствием она как будто возвышала меня и дарила мне тепло. Когда она мне улыбалась, меня будто укутывали в мягкое одеяло, согревающее и успокаивающее. Она спросила, нравится ли мне работать у них, нравится ли жить в гостинице и обслуживать людей, приехавших отдохнуть, не раздражает ли это меня. Мне едва удалось обуздать свой энтузиазм. Я, конечно, в этом совсем не разбиралась, но сразу полюбила самую атмосферу отеля, полюбила доставлять удовольствие гостям, радовать их отличным приемом, хотя моей обязанностью тогда была только уборка. Я была ошеломлена, когда меня впервые горячо поблагодарили за состояние номера после уборки и оставили чаевые. Я открыла для себя, что тоже участвую в создании комфорта, в организации бла-

гополучного отдыха, а ведь я даже не знала, что это такое, я же ничему не училась, не получила образования в отличие от всех этих людей. Я была основательно потрепана жизнью, и работа действовала на меня благотворно. Я впервые ощутила, что меня уважают. Единственный раз, когда клиент повел себя неподобающим образом, его сразу же резко осадили.

Маша не собиралась расспрашивать меня о моих планах на будущее. Она просто объявила, что они с Джо хотели бы, чтобы я осталась и помогала им. Они были готовы учить меня, заниматься моей профессиональной подготовкой. Она предупредила, что мне придется много работать, быть старательной и активной и на мое обучение потребуется несколько лет. Я только кивала, не в состоянии выдать ни слова, отказываясь верить. Правильно истолковав мое молчание, она уточнила:

– Мы были бы рады, чтобы ты оставалась с нами столько, сколько захочешь.

Я пристально смотрела на Машу, пока ее фигура не скрылась за пеленой слез. Я была кому-то нужна, кто-то хотел, чтобы я находилась рядом, кто-то был готов открыть мне свой дом и оставить у себя. Маша встала, обошла стол и села рядом со мной, впервые обняла меня и, прижав к груди, принялась баюкать. Долгие-долгие минуты я плакала от облегчения и счастья, на которое, как я полагала, не могу рассчитывать. Я рыдала так, как не рыдала ни разу с тех пор, как мне исполнилось восемь лет. С этими слезами выплеснулось все

пережитое – долго скрываемая печаль, удары судьбы, злость, разочарования, рухнувшие надежды, неверие в благородство и бесконечную доброту Джо и Маши. Они протягивали мне руку помощи, увлекали за собой, они защищали меня так, как никто до этого не защищал. Они дарили мне покой. Они принимали меня без оговорок, без осуждения, такой, какой я была.

С той поры библиотека «Дачи» стала моим убежищем, территорией безмятежности, увлекательных переживаний, любви. Я обязана была вернуть ей магнетическую власть и силу, воздать почести за то, что она побывала последним пристанищем Джо.

Старательно работая, я сбрасывала накопленное напряжение. «Дача» возвращалась в мое владение, я больше не следовала пассивно за событиями. Остаток дня я переставляла мебель и широко распахивала окна, чтобы солнце и воздух ворвались в комнату. Я натирала воском резьбу на мебели, как меня научила Маша. Я этого уже очень давно не делала. Я приводила в порядок стеллажи, чтобы каждый предмет занял свое место. В какой-то момент я притормозила. «Опинель» Джо куда-то подевался. Им он отрезал кусок хлеба или колбасы, рассекал веревку, отделял от ветки спелую инжирину, выстругивал из дерева зверюшек для Алекса и Роми, когда они были маленькими. В общем, Джо никогда не рас-

ставался со своим складным ножом, причем, как утверждала Маша, так было всегда. Мы с Шарли вынули все из его карманов, когда ему стало плохо: зажигалку «Зиппо», сигариллы «Кафе крем» и «Опинель». Мы с трепетом поместили вещи, которые ему принадлежали, на Машин столик на одной ножке возле прекрасного портрета Джо, на видном месте, чтобы они сразу бросались в глаза каждому, кто приходил с Джо прощаться. Я обследовала всю комнату, проверила каждый закуток, вставала на четвереньки, чтобы удостовериться, что он не упал и никуда не завалился. Ножа нигде не было. Я прекрасно помнила, что видела его, когда сидела рядом с телом Джо в начале ночи, я же сама отнесла его к фотографии Джо. Но день похорон – черная дыра в моей памяти. Эмоции тех минут затопили меня, и я о ноже не думала, у меня были другие заботы. Так что невозможно вспомнить, был ли он тогда в библиотеке. Я последняя, кто заходил в эту комнату вечером, а Маша первой вошла в нее утром в день похорон и покинула ее вместе с траурным кортежем. Наверное, она и забрала нож. Я спрятала зажигалку и сигариллы в ящик столика.

Фотографии Джо пора было занять свое место на стене воспоминаний. Джо и Маша увековечили на прямоугольниках глянцевой бумаги историю «Дачи», неразрывно связанную с историей их семьи. Я не помнила, когда останавливалась в последний раз возле этой стены. Я сознавала, как

мне повезло, что они вошли в мою жизнь и раскрыли мне свою историю. Когда вам такое рассказывают, трудно поверить, что подобные люди могут существовать в действительности.

Эта история не была предметом их гордости, они не хвалялись ею, притом что их успех вызывал уважение и безграничный восторг. Триумфаторами они были скромными, несмотря на свое происхождение и первые шаги в жизни, которые оба делали в атмосфере страданий и нищеты.

Глава третья

Маша родилась в Германии в 1944 году. Ее мать, белорусскую девушку, угнали немцы из родной деревни, и она батрачила на ферме в Германии. В трудовом лагере, куда ее сначала поместили, Маша мать познакомилась с молодым инженером из Киева, избежавшим смерти в концлагере благодаря тому, что отлично разбирался в сельскохозяйственной технике. И посреди ужасов войны эти двое полюбили друг друга, а плодом их любви стала Маша. Ее родители сумели остаться вместе до самого конца войны, а потом побоялись возвращаться в Советский Союз, опасаясь репрессий. После долгих и тяжелых скитаний, пройдя пешком сотни километров, они нашли прибежище на юге Франции. Машу воспитывали, следуя строгим моральным принципам, в уважении русских традиций и культуры, которую ее родители категорически отказывались забывать и старательно передавали дочери. С малых лет Маша умела читать и писать по-русски. В первые годы жизни она слышала только родной язык и только на нем говорила, потому что родители прибились к местному сообществу выходцев из СССР. Она начала по-настоящему учить французский только в возрасте десяти лет, поэтому говорила с акцентом, от которого не собиралась избавляться, а, напротив, всегда гордилась им.

Что до Джо, он родился в 1940 году и не знал ни своего отца, ни своей фамилии. Он был просто Джо. Женщина, которая произвела его на свет, доверила сына соседям, а те, в свою очередь, выставили его за дверь, как только он достиг возраста, когда мог красть и удирать. Он рос в порту Марселя, среди разновозрастных беспризорников, оказавшихся в том же положении, что и он. Он не часто ел досыта, терпел побои, спал на улице, познакомился с холодом и страхом. Условия, в которых он родился и вырос, сделали из него жесткого парня, хитрого и ловкого, умеющего в случае необходимости прибегнуть к кулакам, чтобы выпутаться из щекотливой ситуации. Он был не лишен авантюрной жилки и самоуверенности, никого и ничего не боялся и напропалую соблазнял девушек, пряча за победительным поведением свою боль и тоску по отсутствующей любви. При этом он всегда стремился выбиться в люди и оставить судьбу в дураках.

Маша очень любила и уважала родителей, но по духу была бунтаркой. Ее учили вести себя скромно и тихо, но в ней бурлила энергия. Она была красавицей, хорошо это понимала и хотела жить своей жизнью, добиваться успеха, встречать новых людей, блистать. Она убежала из дома, чтобы побыть с подружками, обожала развлекаться. Когда она впервые увидела этого высокого брюнета, такого соблазнительного и дерзкого, с выдувленной морским ветром кожей и

грубо вылепленным лицом, ее неудержимо потянуло к нему. А Джо, в первый раз встретив золотисто-зеленый Машин взгляд, остолбенел и мгновенно утратил свою легендарную язвительность, чем спровоцировал насмешки оболтусов, с которыми тусовался. Впрочем, он быстро справился с собой, научился подавлять волнение и больше не терялся при встречах с ней. Потому что выбрал ее раз и навсегда и знал наверняка, что она будет его женой. Правда, будущая жена не собиралась так легко соглашаться, ей нужно было, чтобы он приполз на коленях. Она была надменной горячкой и не хотела, чтобы ее желали и любили лишь наполовину. И она своего добила. Какое-то время она царственно игнорировала Джо, потом он был удостоен еле заметного высокомерного внимания. Продолжая играть в порту роль опасного авторитета, рядом со своей красавицей Джо превращался в нежного ягненка. Однако настал день, когда, утратив терпение, он страстно поцеловал ее прямо посреди улицы. И Маша не устояла. Все было бы прекрасно, если бы Машин отец не прознал о сомнительном приятеле дочери. По мнению этого образованного человека, пережившего войну, лишения и мечтавшего о самом лучшем будущем для своей единственной дочери, Джо явно не соответствовал образу идеального зятя. Маша была заперта на замок в семейной квартире. В течение долгих дней ее родной квартал жил под непрекращающиеся вопли и русские проклятия Маши, которая обернулась разъяренной львицей. Готовый на все Джо

лез из кожи вон и даже постарался завязать с прошлым. Для начала он вложился в новый костюм, правда, немного слишком кричащий, потом нашел работу, которая могла сойти за приличную, если не слишком глубоко копать. Все напрасно: Машин отец, для которого Джо все равно был шпаной, недостойной доверия и уж тем более недостойной его дочери, оставался глух к мольбам поклонника.

Но Джо не сдался, совсем наоборот – не мог же он отказаться от Маши, – и занялся поисками пристанища для их любви. Он отправился в провансальскую глубинку, в которой незадолго до этого отсиживался после одной неприятной истории. Он не выносил бездействия и попробовал себя – правда, без особого успеха – на сельскохозяйственном поприще. А заодно наладил кое-какие связи. Ему, в частности, встретился старый крестьянин, бездетный холостяк, которому он оказал услугу. Джо умел все: починить крышу или трактор, выпить за компанию и, главное, обратиться в бегство воров. Фермер пообещал отблагодарить его, если вдруг Джо будет нуждаться в его помощи. К нему-то Джо и направился и открыл старику сердце влюбленного хулигана, а тот предложил сделку: он отпишет ферму Джо и его «цыпочке», если они дадут ему «спокойно подохнуть» в родном доме. Джо и Маша могли делать с фермой все что угодно, только не ломать ее; взамен «русская краля» будет ему готовить, а после смерти старика они похоронят его в саду. Необходимость уй-

ти в тень не напугала Джо, и он ни секунды не сомневался в Машином согласии, поэтому они скрепили уговор несколькими стопками фруктового самогона, и Джо вернулся в Марсель. Там он попросил друзей-цыган помочь с похищением Маши. Это была последняя авантюра Джо. Зато какая!

Когда они приехали на ферму, старик не стал терять времени даром и тут же отвез их к нотариусу, чтобы выправить официальные бумаги. Джо настаивал на своем: у него нет фамилии, он хочет, чтобы в договоре указали фамилию жены. Ересь, по тем временам. Но он не отступал. Документы были успешно оформлены благодаря его знакомствам, Джо и Маша поженились, и жених вышел из мэрии с русской фамилией. У Джо по-прежнему не было ни малейшего желания становиться крестьянином, и он ломал голову, что бы им с Машей сделать из этой фермы. Днем и ночью бродил он по ее десяти гектарам, часами слонялся по главному дому и многочисленным амбарам и сараям. Он искал «фишку», такую идею, от которой у Маши заблестят глаза – он хотел для нее самого красивого, самого яркого. Хотел, чтобы она им восхищалась, хотел достичь успеха, сделаться уважаемым человеком, чтобы в один прекрасный день предстать перед своим тестем и заявить: «Теперь вы видите, что я кое-чего стою!»

Как-то летней ночью, когда Джо сидел на ступеньках крыльца в отчаянии от того, что решение никак не находилось, к нему в ночной рубашке вышла Маша, твердо намере-

ваясь увести мужа в постель. Она села рядом с ним, запрокинула голову и принялась блаженно любоваться звездами. Она прошептала, что судьба улыбнулась им, поместив в такой рай, и как жаль, что они не могут его ни с кем разделить. Джо ответил, что люди с радостью заплатят за возможность побывать здесь. Ночь была у них бессонной.

Сеть гостиниц, как ни странно, была почти не развита в этом краю артистов, художников и писателей. Джо нашел свою идею. Однако ферма, когда-то, вероятно, процветавшая, пришла в жалкое состояние. Но ремонтные работы стоили больших денег. Джо отыскал выход: он сдал землю в аренду местным крестьянам и бросил клич среди своих товарищей по давним аферам. Маша засучила рукава, взяла малярную кисть, иголку с ниткой, столярные и слесарные инструменты. Оказалось, что в сутках больше двадцати четырех часов. Для начала они привели в порядок три комнаты. Джо разъезжал по окрестным дорогам, навещая в Марсель, превратившись в рекламного агента, распространявшего информацию о своем отеле. Он постановил, что уважающей себя гостинице обязательно нужен ресторан – мегаломания Джо не имела границ. Поэтому он разыскал своего друга детства Габи, узнав, что тот стал поваром во второразрядном ресторанчике. Джо предложил ему приехать вместе с женой и детьми и поселиться на ферме. Габи принял план друга не раздумывая, взял расчет и отправился в Люберон,

чтобы присоединиться к затее Джо.

Вскоре гостинице потребовалось название. Настоящее. Красивое. Джо снова старательно думал, ни с кем не делаясь своими терзаниями. Маша сумела научить его нескольким русским словам. Одно из них он твердо запомнил, и на него-то и пал выбор. Однажды вечером Джо зашел на кухню к Маше, готовившей ужин для них и для старого крестьянина, поймал ее за руку, вывел во двор, заставил пройти всю подъездную аллею, закрыл ей ладонями глаза и поставил жену перед вывеской, которую он по секрету заказал местному кузнецу. Когда он убрал ладони, Маша прочла: *La Datcha*. Теперь у Маши был свой дом с названием на ее родном языке, вписанный в ее родную культуру. «Дача» должна была стать домом для любого, кто постучит в дверь.

Старик умер вскоре после появления первых клиентов и был похоронен, как и хотел, в глубине фруктового сада. Все последующие годы Маша и Джо работали как каторжные. Им понадобилось десять лет, чтобы прийти к результату, о котором они мечтали. Маша распорядилась внутри отеля, Джо – в саду. «Дача» стала гостиницей на восемнадцать номеров и постепенно завоевывала престиж благодаря радушному приему, вежливости и обаянию Маши, бассейну, сооруженному Джо и его приятелями, местной кухне Габи и цыганам-музыкантам, создававшим нужный настрой.

Но время бежало, они это понимали и не хотели, чтобы воплощенная ими мечта стала однажды никому не нужной. Поэтому Джо и Маша перестали осторожничать, и совсем скоро Машин живот округлился. Тогда Джо посадил в автомобиль жену и «своего сына, потому что это может быть только мальчик», поехал в Марсель и предстал перед Машиними родителями. Бедная Маша едва не потеряла сознание, увидев, как постарели мама с папой. Было много слез, возгласов радости, поцелуев, и за этой сценой молча наблюдал Джо, не разбиравший ни слова в потоке русских фраз, проносимых на бешеной скорости. Когда ему удалось открыть рот и, главное, когда его согласились услышать, Джо предъявил последний козырь, чтобы дополнительно утвердить статус мужа и отца, который достойно играет свою роль, полностью обеспечивая семью. Он объявил, что отказался от собственной фамилии, чтобы дать наследников русской семье жены. Внук продолжит их род. Так после нескольких стопок водки Джо превратился в русского национального героя.

А немного времени спустя, когда Маша еще кормила ребенка грудью, случилось событие, которое окончательно возвеличило «Дачу». Итальянский спортивный автомобиль не вписался в поворот рядом с аллеей, ведущей в отель. Джо помог незадачливому водителю, в душе смеясь над жалкой физиономией «очередного ловкача, который захотел срезать путь, выезжая с шоссе RN 7». Естественно, Джо предло-

жил ему номер в своем отеле. И вот они с новым клиентом, охотно согласившимся переночевать здесь, поскольку ничего другого ему не оставалось, появились в холле. Джо озадачила реакция жены, которая едва не упала в обморок. В отличие от супруга Маша сразу узнала тогдашнюю знаменитость. Это стало самым большим секретом «Дачи». Теперь, когда Джо умер, только Маше и Габи было известно его имя. А они никого не выдадут, это уж точно. Действительно, Джо и Маша всячески охраняли тайну своего почетного гостя, и только те, кто тогда был в гостинице, догадывались о его присутствии. Никто не проболтался, потому что Джо грозил страшными карами. А когда Джо грозил, его слушались. Зато знаменитость не забыла своего пребывания в отеле, задержавшись в нем еще на несколько дней, и потом пела дифирамбы «Даче» и ее потрясающим владельцам – загадочной русской красавице и ее мужу, бывшему боксеру и прирожденному соблазнителю. Так родилась легенда Джо и Маши. Гость был в восторге и от вечеров под открытым небом под звуки цыганской музыки. В результате посыпались заявки на бронирование, а во дворе все чаще стояли дорогие автомобили. Клиенты передавали друг другу координаты «Дачи», словно секретный, предназначенный для избранных адрес – как если бы необходим был пароль и тайные знаки, чтобы пожить здесь в условиях полной конфиденциальности. Джо и Маша сумели сохранить баланс между престижной клиентурой и более простыми, не такими богатыми гостями, так

что в их гостиницу приезжали разные люди. Номера были доступны для любого кошелька, и всех гостей принимали с одинаковыми теплотой и уважением. Джо и Маша не забыли, с чего они начинали и как всего добились, они нанимали на работу только местных жителей и готовы были протянуть руку помощи каждому, кто в ней нуждался. Им не было равных в организации незабываемых вечеринок, где все веселились вместе, танцевали, пели и пили – естественно, чуть больше, чем следовало бы.

Гимном Джо была песня *La Belle Vie*. Он напевал этот хит Саша́ Дистеля даже на закате своей жизни, вспоминая о самых славных годах в истории «Дачи». И пусть сейчас это время прошло, ничто не отменит его успеха, которого он добился наперекор всем горестям и драмам. Он, мальчишка из марсельского порта, стал уважаемым человеком и супругом блистательной женщины, из-за которой мужчины до сих пор ему завидовали, и эту женщину он завоевал, чтобы жить с ней в их общем раю, в их доме. Их «Даче».

Глава четвертая

Вечером следующей пятницы, через неделю после того, как Джо нас покинул, подошла моя очередь забирать Алекса с Роми. Я поехала за ними в школу, и это окончательно вернуло меня в реальную жизнь. Я снова обрела энергию и впервые за последнюю неделю широко и искренне улыбнулась, увидев, как они бегут ко мне.

Как сомнения в силе моего материнского инстинкта могли так долго удерживать меня от рождения детей? Все дело в том, что тогда мое сердце было на замке... Я чувствовала, что не способна подпустить к себе крошечного человечка, ведь я сама в детстве была напрочь лишена любви. Боязнь воспроизвести схему собственной жизни начисто уничтожила желание стать матерью. Когда Самюэль предложил завести детей, я категорически отказалась. Обрушила на него рассказ о своем детстве и впала в истерику, напуганная мыслью, что могу стать плохой матерью и причинить страдания маленькому существу, которое не просило, чтобы его произвели на свет. Самюэль не стал настаивать, он постепенно приручал меня, успокаивал, давал выговориться и избавиться от страхов – из этого и складывалась история нашей семьи. Он проявил терпение и сумел научить меня верить в себя, к тому же Самюэль не уставал напоминать, что он всегда будет рядом и поможет мне. Ему было нелегко, но он су-

мел победить мои страхи. Я стала матерью, и мои дети росли счастливыми – во всяком случае, так мне это виделось. Одного взгляда хватало, чтобы заметить их детскую радость жизни, ту, которая никогда не проступала на моем лице, когда я была девочкой.

Часто с наступлением хорошей погоды я брала старый Машин «ситроен-мехари», на котором научилась водить. Джо сначала дал мне несколько уроков в своей манере, а потом отправил сдавать экзамен на права. По его разумению, тот, кто водил «мехари», мог водить всё. Он был не совсем неправ, потому что, когда он вручил мне ключи от «тойоты», своего внедорожника, я вполне успешно справилась! Маша теперь почти никогда не садилась за руль, она делала это крайне редко и если уж очень хотелось. Но ей, как и Джо, нравилось, когда я занимала водительское сиденье. Они как будто заново проживали свою молодость, наблюдая за тем, как мы едем в поисках развлечений. Дети были, естественно, без ума от этой светло-зеленой машинки, которая стрекотала как газонокосилка и у которой мы убирали верх при всяком удобном случае, даже невзирая на холод! Она была их домом на колесах, в котором знаком каждый уголок. Летом, по четвергам, они утром ездили на ней с Машей на рынок.

Забрав Роми из школы Гульта, я свернула на дорогу в городок. Заметив это, Роми захлопала в ладоши, а Алекс про-

бормотал «Йес!». Мне захотелось соблудности один из наших ритуалов. Припарковавшись на площади у церкви, я оценила настроение детей, чтобы убедиться в правильности своего намерения. Их улыбки были словно бальзам для моего сердца. Мы прошли по всему городку, каждые несколько шагов нас останавливали, чтобы с любовью и от души расцеловать, поинтересоваться, как там Маша, повторить «так неожиданно, какое горе...». Я их всех знала, всех ценила или даже любила, но тем не менее постаралась максимально сократить общение. Нельзя же, чтобы дети бесконечно выслушивали пятнадцатиминутные выражения соболезнования, моя задача – показать им, что вопреки всему жизнь продолжается, что *наша* жизнь, та, которую мы выстроили, никуда не исчезла, несмотря на смерть Джо. Узкие извилистые улочки вели к самой верхней точке городка. Двадцать лет подряд я ходила по ним, но ноги все так же болели от подъема. Мы обошли замок, проверяя, есть ли корм в мисках для бездомных кошек.

Добравшись до самого высокого места в городке, мы переглянулись и, не говоря ни слова, перешагнули через низкую стенку, окружавшую «Иерусалимскую мельницу». Вот мы и в нашем любимом заведении. Я начала приходить сюда с Алексом на полдник, когда ему было четыре года, и мы продолжали это делать, даже когда Роми была младенцем. Мне нравилось здесь, меня убаюкивала нежная воркотня ди-

ких голубей, гнездившихся на мельнице, и радовала глаз панорама Малого и Большого Люберона, царивших над городком, который благодаря Маше и Джо принял меня и сделал своей. Мне нравилось думать, что даже без бинокля я различаю вдали «Дачу». Сидя, как обычно, между детьми, я передала слойку с шоколадом одному, слойку с изюмом другой и запустила руку в пакет с «лодочками»². Мы спокойно ели, перед нами расстился ландшафт, который мне никогда не надоест. Алекс все время вздыхал от удовольствия, а его сестра щебетала, как и положено маленькой болтушке, пересказывая все великие приключения, которые у нее случились за день. Когда Алексу удавалось вставить слово, он задавал Роми вопросы об открывающейся перед нами панораме – он делал это здесь всякий раз. Алекс считал, что в ее возрасте она должна уметь перечислить все города и деревни в поле зрения и назвать стороны света. Мой сын был еще большим патриотом Гульта, чем его отец и Джо, вместе взятые. Только чрезвычайные обстоятельства могли бы заставить его поехать куда-нибудь севернее Ванту или южнее Дюранса. Роми заработала девять из десяти баллов, как всегда перепутав Сеньон и Апт, и тут я рискнула все испортить. Поскольку я почувствовала, что у них достаточно сил, я решила, что можно перестать прятаться от разговора о Джо и

² «Лодочки» – сухое ароматное печенье длиной 7–8 см, которое готовится каждый год на Сретение в память о том, как святой Лазарь, святая Мария Магдалина и святая Марфа причаляли к берегам Прованса более двух тысяч лет назад.

Маше. Я взяла их за руки и привлекла к себе. Они мгновенно замолчали. Роми съежилась, а Алекс натянулся как тетива.

– Я позвала Машу к нам на ужин сегодня вечером. Она будет рада повидаться с вами. Что скажете?

Я смотрела поочередно то на сына, то на дочь, читая на их лицах печаль.

– Представляю, как вам тяжело. Вы вроде бы не хотели возвращаться в «Дачу»?

– Хотели, конечно! – занервничал Алекс. – Зачем он так? Мы говорили совсем другое, мама, на самом деле...

Он тряхнул волосами, как бы не желая все выкладывать, и постарался высвободить ладонь, но я не отпускала. Не хотела, чтобы он ускользнул от меня, отдалился. Я поняла, насколько мне не хватало физического контакта с ними все последние дни. Сразу после рождения детей я боялась к ним прикасаться, особенно к Алексу, а когда появилась Роми, я была уже более зрелой. А теперь я испытывала почти животную потребность гладить их, вдыхать их запах, я пьянела от любого прикосновения к ним.

– Я не знаю, что ей сказать, – признался мой сын. – Боюсь еще больше огорчить ее... В тот день ее глаза меня напугали, она была не здесь, мама... Мне показалось, будто она тоже умерла...

Я наклонилась и крепко поцеловала его в висок. Значит, он тоже это почувствовал...

– Она здесь, не волнуйся... и ты же ее знаешь, она нико-

гда на тебя не рассердится... Она слишком тебя любит. Постарайся вести себя с ней, как раньше...

Он уткнулся лбом в мое плечо, я снова поцеловала его. Как бы я хотела этим поцелуем наделить его необходимой волей, чтобы расти и становиться сильным, передать ему эту силу своими губами. К сожалению, это было лишь началом испытаний, через которые ему придется пройти в жизни.

– А ты, птичка? – спросила я у Роми, которая продолжала молчать.

Она быстро взбрыкнула ногами в пустоте, как будто раскачивалась на качелях.

– А я буду плакать, – неожиданно заявила она. – И потом, я хочу, чтобы Джо тоже пришел к нам на маслобойню сегодня вечером, как раньше...

Чтобы успокоить ее, я ласково потерлась щекой о ее волосы. Постепенно ее ноги стали двигаться медленнее, потом остановились. Она была готова меня выслушать.

– Не волнуйся, ты можешь поделиться с Машей, она поймет... и не бойся поплакать вместе с ней... Ты имеешь право, и ей это известно, не сомневайся. Я уверена, что она захочет приласкать тебя.

Алекс предложил зайти за Машей, пока не стемнело, – я могла гордиться сыном. Ожидая их, Роми накрыла на стол, украсив его блестками и цветами из разноцветной жатой бумаги, которые сделала в честь Машиного прихода. Роми на-

стояла на том, чтобы поставить тарелку и для Джо, я не возражала. Поскольку вечер был прохладным, я разожгла огонь в дровяной печи. Чиркая спичкой, я вдруг услышала слова Джо, впервые зашедшего на обновленную маслобойню: «Придется выгнать тебя, чтобы селить сюда гостей». Я тогда очень себя зауважала и по сей день продолжала радоваться заслуженной похвале. Джо был прав, маслобойню можно было предлагать клиентам за самую высокую цену! «Это наш маленький секрет», – предупредил он меня в тот вечер, перед тем как пожелать сладких снов.

Переехав, я принялась отчищать старый плиточный пол от густого слоя грязи и въевшейся пыли. Мне хотелось восстановить красоту плиток, и мне это удалось. Одной каменной стене я сохранила ее первозданный облик, остальные побелила. Когда-то давно они были серыми, но я все перекрасила, снова поселившись на маслобойне после расставания с Самюэлем, а заодно избавилась от мебели, заменила ее, чтобы начать новую жизнь без него. Но одну вещь я все же сберегла – главный предмет интерьера гостиной, старую барную стойку, которую я раскопала в Л'Иль-сюр-ла-Сорг. Она принадлежала мне, а Самюэль ее ненавидел. Она отделяла открытую кухню от остальной части гостиной. По утрам в январе, когда отель был закрыт, я очень любила разжечь огонь, усесться на деревянный табурет и пить за стойкой горячий кофе, наблюдая, как за окном рассеивается туман.

Дверь гостиной распахнулась, и вошла Маша под руку с Алексом. Он перерос ее несколько месяцев назад. Его сходство с отцом стало еще заметнее. Увидев вспухшие от слез веки сына, я бросилась к нему. Маша покачала головой, давая понять, что я могу не беспокоиться и лучше его сейчас не трогать, и что-то зашептала ему на ухо, а он поцеловал ее в щеку.

– Маша! Маша! – пропела Роми и побежала к ней.

– Как я рада тебе, *solnyshko!*

Роми тоже получила собственное ласковое русское прозвище, став Машиным солнышком.

– Пойдем. – Дочка потащила Машу за собой. – Я не забыла поставить тарелку для Джо.

Маша широко улыбнулась, хотя в глазах у нее стояли слезы, подошла вместе с Роми к столу, искренне похвалила плоды ее творчества и не преминула подчеркнуть, что Джо счастлив быть вместе с нами. Лед был сломан. Роми и Алекс с удовольствием общались со своей названной бабушкой, и вечер затянулся, несмотря на то что детям давно пора было спать. Я растроганно наблюдала за ними и тоже чувствовала себя спокойно. Каждое мгновение, проведенное вместе, было для них теперь на вес золота. Внутренний голос нашептал мне, что долго это не продлится.

Я объявила отбой, когда Роми стала капризничать.

– Чистите зубы и ложитесь, а я провожу Машу, вернусь и пожелаю вам спокойной ночи. Я быстро – туда и обратно.

– Я могу сама дойти, голубка.

– Нет, Маша, мама тебя проводит, а скоро это буду делать я, – заявил Алекс.

Она отвела глаза. Да, я была права, Маша утратила вкус к жизни. Она быстро взяла себя в руки, обняла детей и предложила возобновить уроки русского на следующей неделе. Может, я и ошибаюсь. Я надела плотную шерстяную куртку и взяла карманный фонарик, который двадцать лет назад мне подарили, чтобы ориентироваться в крошечной тьме «Дачи». Это был один из древних фонариков 1980-х годов: их делали из разноцветного металла – мой был оранжевым, – с большой лампочкой, которая могла и ослепить на несколько минут, если луч попадет в глаза. Я всегда его брала за металлическую ручку, и хотя мне действовал на нервы и царапал пальцы капризный выключатель на боковой стороне, я бы ни за что на свете не променяла свой фонарик ни на какой другой. Я получила его в мой самый первый вечер здесь и готова была ехать хоть на край света, если он требовал починки.

Желтый свет фонарика освещал нас, пока мы медленно и молча шли от маслобойни к «Даче». Маша держала меня под руку.

– Тебе понравилось сегодня? – спросила я, когда мы оказались в холле.

Она похлопала меня по руке:

– Голубка, мне так хорошо с тобой и твоими детьми.

Мы подошли к двери в то крыло, где она жила. Джо и Маша оставили себе номер с маленькой гостиной на первом этаже. Чтобы попасть туда, надо было пройти через кухню.

– Пожалуйста, не меняй свой распорядок на эти выходные, мне помощь не понадобится, я легко все сделаю сама.

По субботам и воскресеньям, когда дети были со мной, я не работала, подключаясь только во время авралов или в разгар сезона. После того как я рассталась с их отцом, мне пришлось перекроить свое расписание, поскольку я больше не могла находиться в отеле двадцать четыре часа в сутки. С согласия Джо и Маши я наняла работника на выходные и отдельные вечера. Мне очень не хотелось, но что поделаешь – пришлось поделиться частью своей территории, чтобы избежать бесконечных тягостных споров с Самюэлем и, главное, чтобы наверстать упущенное с Алексом и Роми... На самом деле я пыталась вообще не заходить в гостиницу во время таких семейных выходных. Правда, возникала одна проблема: дети рвались туда!

Маша крепко зажала мои ладони в своих. В ее взгляде светилась решимость и море грусти. И она была настороже, даже как будто на грани паники.

– Пообещай мне, голубка.

Ее голос звучал настойчиво.

– Все, что ты хочешь.

– Твои дети растут, не позволяй времени украсть их у тебя... Никогда не известно, что может случиться... Но в конце концов они всегда уходят, чтобы зажечь собственной жизнью или...

Я не сомневалась, что воспоминания об Эмме снова всплывут и будут еще более горестными. Что осталось от созданной Джо и Машей семьи?

– Обещаю, Маша.

Она привычно взяла мое лицо в ладони и поцеловала в лоб.

– Постарайся уснуть, – шепнула я.

Наш разговор прервал зазвонивший в гостиной телефон. Я напряглась, что не прошло незамеченным. Все же это было сильнее меня.

– Возьми трубку, Маша, не пропусти его звонок.

Я прекрасно знала, кто хочет поговорить с ней в столь позднее время. Ее призраки снова зашевелились...

– Он терпелив, – успокоила она меня. – Будет названивать, пока я не отвечу.

Я поджала губы. Маша погладила меня по щеке, притянула к себе, и я сдалась. Она мне ласково улыбнулась:

– Я же тебе объясняла, голубка, он не виноват, он просто подчинился матери...

– Извини, но это...

– Я запретила ему приезжать всего на два дня, я бы совсем сломалась после его отъезда, а он, к сожалению, не мог по-

быть подольше... Джо бы не понравилось, если бы он бросил работу из-за него.

Она взглядом умоляла извинить, нет, простить его.

– Не сомневаюсь. – Я натянуто улыбнулась. – Не заставляй его ждать, Маша, он наверняка хочет услышать твой голос.

Она в последний раз меня поцеловала и скрылась у себя. Я приложила ухо к двери, услышала, как прекратились звонки, а Маша заговорила по-русски с еще одним отсутствующим в ее жизни человеком. С Василием, своим старшим сыном.

Василий. Или вернее, загадка по имени Василий. До сего времени у меня не было никаких причин злиться на него за что бы то ни было. Но после его блистательного отсутствия на прошлой неделе мое отношение к нему изменилось. Я не знала или почти не знала Василия. Он покинул «Дачу» через три месяца после моего приезда и за двадцать лет ни разу не был здесь, как и вообще во Франции. Я так и не выяснила почему. Джо и Маша становились скрытными, если о нем заходила речь. Зимой, когда гостиница не принимала гостей, они уезжали к нему на два месяца. Они много где побывали благодаря сыну, который не реже чем раз в пять лет переезжал по работе с места на место. Сейчас он жил в Сингапуре. Когда они возвращались домой, я спрашивала о нем, а они отвечали, что им было хорошо с ним, что он жив-здоров, но, как всегда, занят: едва завершив один проект, переходит к следующему. Джо и Маша очень гордились им. Он часто

звонил родителям, и расстояние вроде бы не мешало им сохранять прочную связь. За эти два десятилетия мы несколько раз поговорили по телефону, когда он не мог до них дозвониться и обращался напрямую на ресепшен. Без его последнего звонка я бы легко обошлась.

Вечером того дня, когда умер Джо, Маша десятки раз пыталась с ним связаться, Василий не отвечал, а она повторяла, что он наверняка уже на работе. Она была без сил, едва держалась на ногах, и я настояла, чтобы она прилегла. В конце концов она задремала на диване в гостиной, а я осталась с ней. Была глубокая ночь, когда зазвонил телефон. Она его не услышала, а я собралась с духом и взяла трубку.

– Алло, – неуверенно произнесла я.

– Эрмина? – удивился он.

– Василий... не знаю, как...

Наступило молчание, я слышала его прерывистое дыхание. Он понял, что все серьезно.

– Отец?

– Да...

Опять бесконечно долгое молчание, которое я все-таки не побоялась прервать.

– Маша только что заснула, сейчас я ее разбужу.

– Да, пожалуйста, – едва слышно согласился он.

Я осторожно погладила Машу по плечу.

– Голубка? – пробормотала она.

– Василий звонит.

Она захотела встать, я ей помогла, потом протянула трубку и оставила их наедине.

Я была уверена, что он прыгнет в ближайший самолет, чтобы как можно быстрее появиться здесь. Я глубоко заблуждалась. Вопреки всем Машиным объяснениям, вопреки ее стараниям оправдать его отсутствие, я не могла с ним смириться. В свои сорок пять лет он был достаточно взрослым, чтобы не послушаться матери, приехать на похороны отца и остаться потом разделить с ней горе. Никогда еще она в нем так не нуждалась. Василий был последним членом семьи, который у нее остался. И какое значение могла иметь его работа или что уж там еще?

Глава пятая

Три следующие недели прошли спокойно, в обычных каждодневных делах – начали съезжаться туристы. Поток был еще не таким, как в разгар сезона, но мы уже к этому шли. Я воспользовалась относительной тишиной, чтобы нанять временных работников в помощь постоянным, двух горничных для Амели и двоих официантов в ресторан. Теперь команда была в полном составе. Не спросив у Маши, я пригласила цыган-музыкантов, друзей Джо, на несколько вечеров – нарушать традицию было немислимо. Я даже начала подготовку к нашему большому летнему празднику. Вопреки моим опасениям, сезон стартовал достаточно хорошо: как я и предполагала, мы столкнулись с отменой бронирования некоторыми завсегдатаями, о чем я не говорила Маше, потому что нам повезло и освободившиеся номера заказали новые гости. В течение нескольких недель отель будет заполнен на сто процентов. Сезон спасен. Еще один сезон.

Скажу честно, когда Алекс и Роми бывали у Самюэля, я с головой погружалась в работу, чтобы забыться. Но это не очень-то получалось: каждый день у меня щемило сердце, а иногда я по привычке искала Джо, собираясь что-то ему сообщить. Или даже направлялась к его мастерской в гараже, чтобы поделиться какой-нибудь шуткой или пересказать

очередную безумную просьбу клиента. Время суток, которого я боялась больше всего, – утро, когда я дежурила на ресепшене. Джо всегда подходил к стойке ближе к одиннадцати, приносил мне кофе, ворчал без всякого повода, удовольствия ради, я протягивала ему лист бумаги, на котором за несколько минут до его появления записала сведения обо всех заездах и отъездах на сегодняшний день и о номерах, в которые вселятся вечером. Через несколько минут он отдавал мне листок, говорил «Отлично, девчонка» и, насвистывая, уходил.

Когда освобождалось время, я использовала его, чтобы побыть с Машей: шла в библиотеку, где она проводила большую часть дня, или к ней на кухню – просила заварить мне крепкий русский чай. Она с таким усердием его готовила, что мне не хватало духу признаться, что я его ненавижу. Если Маши не было ни там, ни там, я находила ее в саду. Пока был жив Джо, она держала под контролем территорию отеля, присматривала за фруктовыми деревьями, с секатором в руке, готовая немедленно срезать подсохшую ветку, вырвать сорняк или сделать суровый выговор садовнику, который, как она считала, портит ее олеандры. Теперь же она просто сидела на качелях, уставившись в пустоту, укутанная в разноцветную шаль, подчеркивавшую красоту ее темно-синего платья.

Часто она не замечала, что я подошла к ней, и продолжала говорить сама с собой на родном языке. Не трудно дога-

даться, к кому она мысленно обращалась. Она и раньше довольно часто заговаривала с ним по-русски, хотя познания Джо в ее языке были более чем приблизительными. Он не возражал, и через какое-то время она сама спохватывалась. Когда я садилась рядом с ней на качели, она слабо улыбалась и брала меня за руку:

– Ты пришла, голубка...

Она вздыхала и уходила обратно в свой внутренний мир, населенный воспоминаниями. Маша превратилась в собственную тень.

Вечером я сидела в кабинете и обновляла сайт отеля. Я давно выучила его содержание наизусть: именно я надавила на Джо и Машу в середине 2000-х, когда стало очевидно, что интернет завоевывает нашу жизнь. Они совсем не разбирались в этом, и Джо предоставил мне свободу действий со словами «Можешь забавляться своей дурацкой игрушкой». Через какое-то время Маша тоже увлеклась, а потом и Джо обратил на компьютер внимание, и интернет из «дурацкой игрушки» превратился для него в «дьявольский механизм соблазнения клиентов».

В дверь постучали, и я подняла голову от экрана. Шарли, успевший снять фартук, насмешливо смотрел на меня.

– Ужин закончился?

– Эрмина, ты в курсе, который час?

– Ммм... нет...

Он засмеялся:

– Уже полдвенадцатого... все легли. Кроме...

– Нас, – перебила я и тоже засмеялась.

– Выключай свою шарманку и пошли на кухню, выпьем вина.

Я не стала спорить и с удовольствием последовала за ним. До сих пор мы с ним толком и не поговорили. Я могла только гадать, как он справляется со свалившимся на нас горем. С Амели я пересекалась чаще, чем с Шарли, у которого после смерти Джо появилась скверная привычка отсиживаться у себя в ресторане. Я вошла на кухню, и в мозгу вспыхнуло воспоминание об ужине в вечер моего приезда двадцать лет назад.

Тогда Маша встретила меня в холле, отвела в комнату на последнем этаже, включила отопление, дала простыни и полотенца. Потом она ушла, сообщив, что я могу поужинать в ресторане, хотя он, как и сама гостиница, пока закрыт. Я бесконечно долго стояла посреди комнаты, пытаюсь сообразить, не снится ли мне сон, который вот-вот неизбежно превратится в кошмар. Но я слишком устала, чтобы размышлять, и потому с наслаждением взялась стелить постель: белье приятно пахло свежестью, оно было мягким, я даже потрясенно погладила его. Потом я приняла душ. Горячая вода, душистое мыло едва не заставили меня расплакаться, но я тогда была слишком жесткой, чтобы впасть в сантименты.

Я брала то, что мне давали. Пока это мне ничего не стоило. Правда, я хорошо осознавала, что рано или поздно настанет день, когда мне выставят счет и придется расплачиваться. Пользуясь возможностью, я постирала кое-что из одежды, потом надела то, что сочла наиболее подходящим. Когда я снова спустилась вниз, свет был повсюду выключен – и в холле, и снаружи. На улице ни души, в ресторане тоже темно. У меня снова возникло ощущение, что и сам отель, и люди в нем весьма подозрительны. Я забеспокоилась, тьма ночи и полная тишина пугали сильнее, чем городские джунгли. Я уже собралась развернуться и подняться к себе в комнату – отсутствие ужина было для меня делом привычным, – как вдруг вышел парень чуть постарше меня и спросил, не я ли новая сезонная горничная. Он проводил меня на кухню. Назавтра я узнала, что это Василий, сын Джо и Маши. Он оставил меня с Габи, отказавшись от его предложения поужинать. Я тут же выбросила этого парня из головы. Габи властно обнял меня за плечи и подвел к круглому барному столику:

– Сейчас ты у меня взбодрисься!

Казалось, он безумно обрадовался возможности накормить меня. Его удовольствие было заразительным и подействовало даже на такую разочарованную и усталую девицу, как я. Он сам себя спросил, чем бы таким вкусным меня угостить, а я предложила ему «не заморачиваться».

– Видишь меня? – спросил он, похлопав себя по животу. –

Кухня – мое царство, я люблю вкусное, некоторые говорят, что у меня блюда слишком жирные, а порции слишком большие, но я таких посылаю к черту. Я люблю есть и люблю кормить. Мое чревоугодие безгранично. Поэтому, чтоб ты не сомневалась, у Габи не едят что попало!

Последняя фраза завершилась громогласным смехом. А потом, оглядевшись, я оценила кухню. Значительно позже мне стали известны детали этого грандиозного замысла. Джо хотел, чтобы здесь у Габи было все самое красивое, самое большое и вообще самое лучшее. За исключением некоторых деталей, можно было решить, что ты очутился в кухне ресторана с мишленовскими звездами. Большие плиты, огромные наборы медных кастрюль, как если бы каждый вечер нужно было готовить больше чем на сто человек, холодильная камера, где поместился бы запас продуктов на целый год. Габи подал мне самый потрясающий омлет, какой я когда-либо ела, с толстым ломтем деревенского хлеба и бокалом красного вина. Ничего настолько вкусного, изысканного, ароматного я никогда в жизни не пробовала. Габи едва не подавился, когда я поинтересовалась, что он добавил к яйцам.

– Трюфели, дорогая моя. Наши места ими славятся.

– Рискую показаться дурой, но что это?

Он широко и снисходительно улыбнулся:

– С тобой придется повозиться... Ешь. И не забудь выпить!

Он налил бокал и себе и поднял его, обращаясь ко мне:
– Добро пожаловать в нашу «Дачу»!

Габи заставил меня доесть все, что было в тарелке, но этим не ограничился: мне еще полагался его новый шоколадный фондан для меню предстоящего сезона. Он хотел услышать мое мнение, а я с трудом устояла, чтобы не расхохотаться ему в лицо. Как будто в те времена я разбиралась в тонкостях кулинарии! Потом он велел мне идти спать, потому что я выглядела утомленной. По сей день помню усталость вперемешку с блаженством, которые накрыли меня после той еды. Никогда еще меня не окружали такой заботой. А если по правде, то забота вообще не была мне знакома. Я захотела отблагодарить его – так, как умела.

– Сначала я помогу вам убрать. В конце концов, я здесь для этого. И потом, это такая мелочь, вы ведь остались после работы, чтобы меня накормить.

Он бросил на меня теплый взгляд:

– Ты славная девочка.

Услышь я от кого бы то ни было «славная девочка», я бы возмутилась. Но те же самые слова, обращенные ко мне Габи, милым, щедрым толстяком, были мне приятны. С тех пор я полюбила совать нос на кухню. Тем более что теперь в ней безраздельно царил Шарли.

Не сговариваясь, мы устроились за маленьким круглым столиком Джо, который обожал есть на кухне. Я рухнула на

деревянный стул, а мой лучший друг пошел за бокалами и бутылкой кот-дю-ванту. Он открыл вино, разлил его, тут же опять ушел, а через несколько минут явился с тарелкой и прибором. На тарелке стоял горшочек с равиоли в соусе песто, к которым полагалась местная ветчина. Я иронически вздернула бровь, а он проворчал:

– Ладно-ладно, когда-нибудь я все-таки обновлю меню! Ты же не ужинала, правда?

– Нет...

Мы отлично знали друг друга. Шарль, которого я вскоре начала называть Шарли, появился в гостинице через несколько дней после меня. Джо нанял его помощником шеф-повара, не предупредив Габи. И если Габи был настоящим чревоугодником – «достаточно посмотреть на мой живот, чтобы все понять», любил он повторять, прогуливаясь по кухне с целью убедиться, что его преемник достойно справляется, – то Шарль, наоборот, был худым и бледным. По крайней мере, таким он сюда явился. С тех пор он окреп и налился соком. Следует признать, что его шеф не оставил ему выбора: Габи быстро излечил его от пристрастия к молекулярной кухне и сыроедению. На самом деле в худобе Шарля были повинны стресс и низкая самооценка. Хоть и по разным причинам, но мы оба с ним одинаково нуждались тогда в убежище.

Шарль рос в суровой консервативной семье, которая не

одобряла желания старшего сына стать поваром: его готовили к военной карьере. Для такого скромного и не уверенно-го в себе человека, как он, армия стала сущим адом. То, что ему там довелось пережить, смахивало на настоящий трагикомический фильм. Как же он должен был страдать... Втайне от родителей он принялся искать работу в ресторанной сфере и с энтузиазмом ответил на объявление Джо, отправив ему очень искреннее письмо. Это было скорее не резюме, а эмоциональный рассказ о своей жизни. Джо увлекла идея приютить дезертира, и он дал ему шанс. Так в двадцать два года Шарль покинул армию, был лишен наследства и занялся сюда этаким «аристократом», как я его тогда в шутку называла. Мы подбадривали и выручали друг друга и помогали друг другу расти. Я никогда раньше не встречала таких парней, как Шарль, а он не подозревал, что существуют такие девушки, как я. Позже он признался, что вначале побаивался меня. Я была «чуть-чуть» озлобленной и настороженной, тогда как он олицетворял робость и неловкость. Сегодня Шарли был моим лучшим другом, братом, которого мне хотелось бы иметь.

Поэтому я беспокоилась за Шарли. Продолжая есть, я осторожно наблюдала за ним. Он грустно потягивал вино, погружившись в свои мысли.

– Ты как? – спросила я.

– А ты?

– Прекрати! Нечего мне зубы заговаривать, как твоя жена!
Хоть бы кто-то ответил мне честно.

– Н-да, вы, мадемуазель, мастерица ускользать от ответа на вопрос, что слышно! Спросишь – и как ветром сдуло!

Я засмеялась и пихнула его локтем:

– Ладно-ладно! Только сначала ты!

Его протяжный вздох пробудил бы мертвого.

– Все ужасно, – провозгласил он. – На кухне тоска, все молчат, я ничего не хочу и чувствую себя одиноко без Джо. Ты только представь себе! За все эти двадцать лет не было ни дня, чтобы я не видел его на этом самом стуле. Утром с чашкой кофе, в полдень и вечером с аперитивом. Когда Маша сажала его на диету, он всегда находил способ обмануть ее бдительность и прийти сюда, чтобы что-то пожевать или выпить.

Я снова засмеялась, но на сей раз сквозь слезы. Я представила себе, как Джо скрывается от Маши ради этих маленьких радостей, а Маша притворяется, что сердится на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.